

Анна Атталъ-Бушуева

ЦИТАТЫ О ДРУГОМ
НАСЛЕДИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Атталь-Бушуева
Цитаты о другом наследии

«Автор»

2025

Атгаль-Бушуева А.

Цитаты о другом наследии / А. Атгаль-Бушуева — «Автор»,
2025

Если вдуматься - цитатами всегда можно точно описать мир своих личных переживаний. А ещё точнее - создать целый сборник, в котором просто и убедительно расположить смыслы в нужном порядке и логике их звучания. Так и этот сборник помогает развить чувство аутентичности и авангардного понимания философии русской жизни, как если бы она была везде в мире и пронизывала его целиком. Ты вдумываешься, а цитата за тебя располагает к миру русско-европейской реальности логики и точно даёт понять, где находится её автор и читатель сегодня.

© Атгаль-Бушуева А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог:	6
Цитаты на день:	8
Цитаты на ночь:	37
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Анна Аггаль-Бушueva

Цитаты о другом наследии

Пролог:

Может многое говорить о тебе – сегодня. О чувстве, в котором ты бы хотел приобрести новую реальность. Ходить под окружением старой Москвы или гулять по улицам Парижа, а может просто витиевато думать о лучшей судьбе. Для себя и своих друзей, среди которых много нехороших людей. Они прячут свои подземные взгляды прямо в воду и тонут там же, поглядывая вровень с ощущением полного маразма в своей жизни. Но ты не прячешь искушение за подлинником своих ожиданий и ждёшь, что завтра будет уже философским продолжением бури. Она настала тебе, как леди в множестве цитат, по которым странным образом ты можешь выявить ту форму необъятности земного взгляда на свои идеалы. А быть может, стать ещё более глупым и простительным в своём человеческом посвящении в древней жиле происходящей внутри жизни. Закрыв ранами свой стиль европейского утра – ты ожидаешь ему новое прочтение, чтоб также сияло солнце и новые виды моральности шли по удобной небу колее. Но твои противные черты смотрят тебе в лицо прямо из зеркала, и затаившись там неминуемо просят, чтобы оценки из прошлого ушли там назло субъективным будням.

Ты искал свой противный ад и не нашёл его, но по голове бьёт эта оземь мучительная просьба говорить себе правду. Имея за душой огромный множитель философского опыта и прожитой жизни. В неё хочется вернуться или стать немного большим клоуном, но всё же прочесть по-иному свой завтрашний вид идеалов в уме. Когда бы утренник состоялся на ветреном поле вдали от человеческой важности быть состоятельным и громким словом. Когда притворяешься и ждёшь душевный покой, а он просто так не приходит. Его нужно приладить внутри к опротивевшей мудрости в новом поле изгнания, чтобы завтра стало лучше в аллегорическом смысле бытия. И ты ходишь по Москве или по Питеру, как слон в опочивальне множества проигранных ролей в голове, а они просто не знают, что сказать тебе на этой полосе жизни. Ты не стал умнее или хитрее, но отжил своё слово в происходящем и прошлом, чтобы выиграть путь солидарности в судьбе. Чтобы там в себе найти опротивевшую ясность, что дальше так нельзя ни говорить ни делать. Но заново пройти круг фатализма, увы, не хочется ни при каких обстоятельствах.

Тут твоя редкая натура замирает, и глядя в своё отражение верит, что гуляющий и робкий ливень души – только часть твоей внутренней образом печали. Его нужно, как бы собрать воедино и настроить, чтобы вылечить форму нового дождя. А потом прирастить к существующей важности человеческой жизни. Так и я приняла себе образ многомерной рассказчицы, на внутреннем имени которой нет поднятого идеала в судьбе. Я просто вышла за грани интеллектуального снобизма и вылечила свой ливень души через

составление цитат. Их можно найти в большом количестве в этом сборнике и перечислить, как образ воспроизведения гиперреальности или вдруг оценить, что чего-то внутри не хватает. Этим утром на каждом теле новоявленной позы личности, когда просто живёшь и ждёшь казус следующего дня. По нему можно многое сказать о торжестве в склепе внутренней жизни и идти, мерно покачиваясь на боках своего тщеславия. А можно передать символический ужас власти над самой собой, чтобы немного внутренне усилить свои противоречивые чувства и стать обилием критики для себя. В словах, что содержат аллегории на обещании быть человеком, в словах, что ищут твоего признания внутреннего чуда личности. Ты и сам ведь веришь, читатель, что полные блики луны не всегда – итог твоих видимых миров в воображении ужаса. Он только притворился и ждёт, что новая цитата станет для тебя, чем-то вроде роковой оценки твоих сильных и слабых сторон личности. К коим ты приращён с детства и с юности ищешь им оправдательный приговор, чтобы заметить ещё больше идеалов внутри своего эго. Над нераздельной головой сомнения и философской картиной требовательной жизни. Для которой ты стал думать и говорить, как будущий человек.

Цитаты на день:

- «Оформив после мнения итог – ты волен убеждать свою мечту, что вышел на отсталом берегу и хочешь симулировать вопрос».
- «Безызвестность ищет сгоряча – самый страшный суд её плеча, и с него укладывает яд, на котором люди говорят».
- «Нечаянный из завтра сложит час – свою свирель в проталине ума, что смысл подземной лиры из окна, струящейся могилы между солнцем».
- «Найден прошлым на глазах шагов – слов последний мир из слёз грядущих, стоек на гитарной воле сон – ставит роли в право над фортуной, и за этот мир ему апломб – умирает в тысячах миров, над своей свободой жить культурой».
- «На заходе прошлого ушли – пошлый ад и сумеречный розни снег игры над апологией войны, что по музыкальным склонам нужного - убирает ясный цвет сердец, лишь заход в том чувстве современном психоделикой сулит свой мир нетленный, над культурой проложив конец».
- «Медлитель будут красные стремнина, над свободой мысли как в бреду, им вспорхнуло облако ревниво и списал свой век угрюмо суд».
- «Будешь ли сражаться честью блага, боль в тоске из человека – вон, на смотрящем мире эпилога, всё своим виляет в смыслах рока и свободу тащит на поклон».
- «Сердцем чистой красоты ты – рад, будет обратном мысли видеть свет, на шагах из тьмы своей награды, что достаток философского ума – смотреть назад».
- «Если есть фортуна в часе личном, видит смерть свой долг в купеческом аду, и приравнивает жадностью свои – формы мира, как один из притчи».
- «Никто не смотрит на природу за окном, увидев ясный вид логичной тени, не скажет миру встретив свой конец – культура времени из тьмы свободы в нас».
- «Возраст отвечает глядя в нас, лишь когда идёт проходим днём вся его упущенная нежность».
- «Если смог – достать до звёзд, на вопрос ответит цели твой ментальный свод угрюмой маски, нежели внутри её истории».
- «Бездарность учит фортуны любви и некогда спросит о частом наитии, что было бы завтра из лести её – бездарным ответом на это уставшее чудо любви?»
- «Поздно горесть отнимает вид затеи за тобой в движении быть тенью, робкой воли сердца из гримасы, что когда – нибудь достигнет час Земли».
- «Награда в человеческой среде в фигурах смысла – так близко высока, Небо цвета роз из этой дерзости уносят формы риска, чтоб увидеть утопическую кровь».
- «Гордо на счастье стоит в остановке самый угрюмый чернеющий след, он одинаков в портрете из тени видимой гласности формы за теми, кто бы успел за неё посмотреть».
- «Опыт на цепи тебе даёт любовь вокруг, звёзды шепчут форменное

теми, кто отнял твой задымлённый толк между роскошью достигнутой мечты».

«Осень ходит по ковровой степи, след её услужливого счастья виден нам и одним годам на свете памяти поспели – снова открывать её беду».

«Личный цвет за зверем спит мгновением и хохочет рябью в склоке лет – та же гордость измерять сознанием свой потерянный на смыслах силуэт».

«Не забывай и не пиши на отчей просьбе полноводный рай, он сон мечты и волшебство прощания на свете мирного доселе одичания и цвета робости под силой красоты».

«Потерпит в робкой смене лет – путей иллюзии твоя родная кровь, и ожидая личности портрет вновь унесёт свою фатальность, как могилу».

«Звук стальной на сердце роет – смысл, в котором сон моральный - не уносит сквозь зеркальность тело личности на рисках».

«Приподнимаешь важность об итог и хочешь лично проводить катарсис лет, пока не пишешь звук идиллии из строк – по собственному счастью утоляешь тени».

«Поседел не для отравы, формой стал, что лучшей правдой на одной лежать ладони и ужасный звук таить».

«Посередине сердца спят миры, они дожили лучший квант последнего и мир на ужасах так близко им вдали, напоминает спящий остров из потерянного солнца».

«Риск понятия на смыслах дожил до упора, достоял и вышел свет подозрительной красоты, нам ему понять отличие укора – также трудно, что и риск, в котором старишь ты».

«Соотнеси разбитый приговор души со стилем логики, которого уж нет и сам того не зная разыщи одну – единственную памяти причину, как думать в этой красоте?»

«Потом не скажет, за тем, что ищет и сам не спросишь о чём сказать на этом в письмах, где нет искусства, а только чувства и тень тоски его завзятой».

«Оголённый провод каждой в теле снов – пишет над природой в ожидании, ищет странный факт картины от умов, где и роскошь кажется как самоистязание».

«Отключи магнитный фон ума, став ему работой в той причине, где твоя тоска на личной притче стала лишь оскоминой и убегает вновь».

«Весь день, как спрос у сердца изголового, им носится всерьёз пустое слово «годен» и тяжкий труд души упитанной надежды – всё время прав, коль смыслом держит прежним».

«Залитый в пустое песок у реки – немислимый возраст и собственный вес, его ты украсишь под ношей прогресса, чтоб выеденный толк никому не продать».

«Монументальный труд – из тела говорить, как сложно им творить и делать день по пройденным глазам, в которых жить нельзя и звук случайной лжи – посыл в глаза».

«Чёткий мученик из толстой воли склепа, за тобой виднеется сюжетная игра и моток куплетом в нём – примета, под наглядной близостью им в том приврать за мукой и тоской».

«Чёрный день – не чёрная глава, смысл мудрит и падает едва над

порогом мысли вдетой в жизнь, чтоб её прошить искусно в нас».

«Поранен к личности и с раны каплей кровь – сочтется чистой, неопровержимой болью, ты дал ей форму дня и в руку власть, затем, чтоб говорить о лучших чувствах».

«Понятный вор – понятен ли себе, когда он воет чувством на войну и глядя в современность видит душу?»

«Эхо за кормой всё цедит и летит, думая о прошлой высоте, этот день просить, чтоб оценить важные советы для сердец».

«Подыграй у лояльной причины и жди, что твои короли подыграют в твою иллюзорную волю, не готовую жить».

«Где же ты успел сварить внутри время приведённое одной просьбой мира – то ли пережить им форму лет, то ли справиться с виной?»

«Глаза засмотрели назад и понятно – им будут идти подоплёки в сердцах, а кто – то на улицах слова желает, им видеть свободу от страхов».

«В застывающем мире потерянных кораблей – тот лишь чужой, что единожды смотрит назад и тогда он уличает сам себя, что везде ничейный».

«Образумив день – ты ждёшь своего часа смерти, а он подлежит расправе над тысячной харизмой лет и всё начинается сначала с утра, когда твой день верит в новую свободу».

«Оттуда ты вышел и туда приходишь, но в этом рассвете не носишь чёрные звёзды души, а только обволакиваешь пространное озеро надежд в глубине сожаления о своём прошлом».

«Если намедни есть часть души, в которой спряталось ветхое солнце – то оно будет день за днём помогать твоему горящему сознанию жить дальше».

«Когда нечего терять и новые носки не спадают под утро с ног, когда выше нет ничего свободнее и милее – ты выходишь на свой балкон и начинаешь ворковать, как птица, которая хочет слабой участи в своей душе».

«Твоему презрению нет предела и частный выдох в своём маразме начинает день и отдаёт его преимущество к новому солнцу в неживой общности будущих людей».

«Понимать свой страх – значит иметь точные копии соблазна в руке новой свободы, а также удовлетворять приземлённое желание, не зная, откуда ты видишь его собственным телом».

«Подобрел и вылечил свой возраст, а его понурое отчуждение ушло сегодня на невероятное поле самоназванного учреждения дневной гордости за свободу».

«Имея достаток и очень мало времени – можно не терять деньги, а образовывать частое внушение себе самому о лучшем».

«Мера убивает форму восторга, а качество уводит своё предназначение от торжества гедонизма, чтобы получше создать себе новое чувство внутри субъективного счастья».

«Наденешь шляпу на пальто и весь вокруг твой мир, как путь - изъезжен каторгой для лжи, чтоб будоражить так дожди».

«Прохладный, лиственный разгон – всё мельче облака и с рук твоей

невежественной формы – спадает шар внутри разлуки и этим медлит наперёд».

«Подытожит за властью итог и в вопросах меж маленьких дней – ты в уме осторожен за слабостью быть сегодня в гранитном окне».

«Не сыпь песок для кучки слова и между солнцем не грехи, когда упавший свет знакомый тебе распишется в тиши, забыв об этом на душе».

«Между пасмурной сценой стоишь и за чёрным рассветом – твой рай, чтобы множитель возле души понимал эту сущность проклятий ожить».

«Будущее, как немилый стержень зла, входит в твой отчётливый манер, а потом по счёту ниже тла – видишь ты искупленный пример».

«За большим опахалом из лет, точно видимый в почерке слов – ты наносишь мне бледный совет на затисканный вид облаков».

«Образ твой не лучше, чем вчера, сотни дней в искусствах замирая – мы постигли зрелостью пера тот же искус, что и был вчера».

«Над мечтой в остановках печали нет светлее, чем голос в душе, только опытом мы не встречаем эту юность, что пала уже».

«Над местным диалектом ты не свят, а новый полдень ходит через край ещё внутри сгустившегося я, где белым светом утомляем ад».

«За былым отражением в томной игре – ты спросил, что же будет потом, ну а прошлое мне подыграло, родясь, чтобы мужеству вынести сон».

«Накапай сто грамм мне на душу и выжги за целой свободой – отмеренный свет, где тают природные ивы и долго там ходит поодаль мертвец».

«Пусть срастил ты изюминку в роли любви, но оттаял твой мир, как плато на двоих и сегодня в иллюзиях просим за это быть свободными, чтобы доигрывать ритм».

«Обнажённая в поле фигура из ран мне не может умом ограниченно думать, за собой закрывая противный обман, где-то выше у тёмного образа утром».

«Мне без дела стоишь и за смертью не я – стала выше тебе в этот день на безумии, но сегодня в дождях между страхом пройдя – побелею от мужества нового риска».

«Воин падший, что смертью не стыло в уме, занимая за резкостью страха в глазах, обрывающей ясности думать, где сам ты остался в чудесной истории мира?»

«Образован, где меркнет прямая пастель из невидимой частности жизни вослед, чтобы чудо сходило за юмором в стиль и редело за пропастью лет».

«Мне не жалко в искусстве просить за себя, чтобы стыло внутри отражение ран, а потом восходило в любви к небесам – это поле реальности в чести и роли».

«Потому ты не можешь угнаться вослед этой борзой идеи и стилия любви, что топоришь за немощью – только глаза и обрывки вопросов на новой беде».

«Обнимаешь за днями пустую слезу, за которой стою в неприглядной судьбе, ну а прошлым наверное буду иметь ту задетую форму свободы за смертью».

«На небе балерина, как в аду, а ты пихаешь к сердцу чехарду, чтоб нынче вспоминать ещё урон из воли нижеследующего – вон».

«Рискуя небом – прожито в аду всё детство, чтобы днём заговорить, как холодно там было и в бреде – так нагло в безымянности бродить».

«По серым, замшелым тропинкам души – ты явственно бродишь, но что же ещё не носит твой мир наготове, увы, под наледью образа – будто бы тьмы?»

«Не стал ты вампиром, но днём, как трудом сосёшь свою кровью из другого угла, всё думая обществом – будто туда, ты вышел как будто насквозь».

«На дереве маска, на холке – порок, а между пространством роняет свой срок – твой мир безымянный, где вышел ты сам разбитым и в слёзах горюешь о саван».

«Всё в мире – песок из под толщи чутья, всё стало тебе безымянно от раны, где вылепил тысячной робой о день – ты новое в образах гроба».

«Нет в небе философа лучше тебя, нет счастья узнать аллегорий восход, пока по итогу ты вьёшь это я сквозь мысленный день – о порок».

«На мысли себе ты купил этим свет, но дома кладёшь безымянный портрет, чтоб вылечить наглостью формы любви и этот потерянный день позади».

«Снуёт обязательством в мере труда – твой форменный стиль, что такому нельзя угнать безрассудное поле измен под светом в душе вычислительных стен».

«Намедни отнял к гробовому чутью – свой маленький член незнакомой игры и где-то тебе показалось, что ты отнял этим миру – довольство».

«Ты ежели днём неспокоен – то сон, тебе неспокойнее зрелой тоски меж масками прошлого, будто бы ты узнал этим чувство о роль».

«Противный кордон о погоду за смысл течёт между автором в поле игры, а ты понимаешь, что будто бы был уже с этой миной о воздух в себе».

«Пока уговорами ищешь свой зад – твой мир привирает, как будто отдав за немощью тонкий стручок пустоты из медленной формы – такого как ты».

«Внутри незаметный и очень непрост – ты важностью джентльмен воешь о воздух, а он подвывает над шляпой причин, где сам ты опробуешь мысли за ним».

«Многомерный взгляд над эхолотом воет каждый сотый день в аду, словно бы за этим днём нет света в сердце, как на каменном бреде».

«В мыслях упражнялся, где и сам ты стал вдвойне не прошен за искусством, будто бы исчезнувшее чувство стало петь иллюзии в тебе».

«За примером души – ты отходчивый воин, но в сердцах неразрывно щекочешь свой ад, ты пустил этим стрелы на воздух, где болен в укоризнах искусства – искать невпопад».

«Белый свет тебе – белая осень в надежде, а прикормленный ад не такой на виду, что уходишь сегодня не в цвете одежды – ты за правильный номер души потому».

«Не бывало в квартире твоей благородства, только трос пустоты и какого-то шарма, где наощупь ты гложешь плохое уродство – будто

сам ты нашёл этим тени пожара».

«Вот и встал наконец-то твой мир корабля, а в душе там сквозит непокорное чванство, чтобы внутренне жить по-другому, чтоб я проташить за искрой между каждого дня».

«Нет ума соскоблить всю позорную нить из под выемки жухлой тоски, а пора всё сегодня смеётся в перо до утра, наклоня свой воздух и тернии жизни».

«Не стихи и не проза ушли наголо, открывая тот шарм в пустоте от уродства, чтобы чёрное зарево знало тогда, что и день растаётся от мысли к позору».

«Вынимаешь актёрские тени из мира и твоя супротивная жёлчь, как конвой между выменем тождества – хочет прилива и опробует высмеять сложную боль».

«Саркастический звук и плохая мораль не тебе ли сегодня в законе вели – эту стройную форму почти до Земли, чтобы думать о чувствах и скорби?»

«Словно в яму попал и вокруг никого, а под серым, затерянным миром из благ – только ужас и капли гнилого в умах затевают свой вымысла страх».

«Нет коня и нет всадника и поле чужом, но к искусству за этим фамильным чутьём ты сегодня свой взгляд по пути обратил, чтобы мир осуждать – перед ним».

«Закадычный ли друг упростил небом ад, но сегодня наверх ты не смотришь назад, а потерял твой воздух в пути за любовью, чтобы снова угадывать форму души».

«День за днём неспроста ты учтивостью ждал, чтоб закрыть зеркала и всё этим простить, чтобы внутренне сам по себе отпустить – этот мир безнадёжного рока».

«Чебурашки и мишки, а также твой кот всё не любят спокойное время, но пот, соскользая с чутья привередливой лжи там отыщет тупые ножи».

«Время вылечит форму гнилой пустоты, время встретит пустые слова, будто ты – сам не нашёл искусство, как музыку в плен идиллической розни возможных проблем».

«Некрасивые в низменной речи мосты ты построил сегодня, а также кто ты – для меня, если чувством не очень в душе ты противен на вкус в неглиже».

«Дамский номер, сюртук и противная казнь между опытом снова, роняя свой стиль – ты безумию внутренне можешь пропасть, но уходишь во сне, открывая им жизнь».

«День ли это – иль маленькой ночи игла – ты находишь искусство путём до утра, расставляя по шахматной форме круги внеземной идеалам потери тоски».

«Серый цвет – не фамильной проблемы струя, но и ты расставляешь претензии зря за мечтой субъективности выпить свой яд, поправляя за мыслью вопросы в вине».

«Этот день мне запомнился только в огне, но и сам ты пожал руку, вывернув мне тот избыток чутья окровавленных стен, прибывая портреты от смерти затем».

«Домашний уют и противная наледь в безбрежности вопля не кажутся мне – той формой слуги в объявлении рока простить этим жизнь на коне».

«Где зуб поодаль выемки кульбит свой просто поднимает, будто спит наутро формой выемки ножа – твой долгий разговор, как будто ржа?»

«Компьютерные маски в глубине торчат и пользу узнают на мне, а я им отвечаю в час судьбы, что очень ненаходчив в этом дне».

«Повседневность сковывает спину и таща свой груз в своём огне – ты не можешь думать обо мне, словно прикоснулся телом к льдине».

«Моя постель не смята в этом дне, но розгой тычет в палицу свой луч – горячий, терпкий формы злобы путь, чтоб вылечить сегодня слову грусть».

«На машинном раю твой аврал был сегодня немало там крут, но отвергнешь ты словом свой бал между низменной пядью в аду».

«Болеро и кокетливый луч возле слова восточного в миг – к перевернутым искрам под звук всё сегодня уводят свой крик».

«Направлением к счастью ты знал, что во мне нет плохой пустоты, но исчезнув в том сердце настал – ты вампиром под днём, как мосты».

«На черепе нет маски в сто огней, над черепом нет страха выть к чутью, но завтра будет лучше проходить твой мир в глазах искусства по нутру».

«Сердце ищет за днём этот рай, но из каждой в осколке мечты понимает, что день – это ты возле прошлого в страхе из раны».

«Поднимая свой бледный огонь ты ведёшь между страстью – тот звук, где-то в личности доводом к небу, где-то в масках искусства за торг».

«Бытие или вечная мгла стала новой капризной слугой выть сегодня, что я не такой, но хочу измениться от жизни».

«Оправдательный в небе надзор будет поводом к счастью сказать, что, быть может, не стала ладонь отгораживать подлинный хаос».

«Ты проводишь весь день за судьбой, а когда говоришь, что плохой – сам не веришь чутью, будто ад – твой поверенный в сердце за взгляд».

«Идеалами стала та тьма над Европой кружить в высоте, но и ты не прикрасишь ей форму на глазах обнажённой приметы – расти».

«Дети плачут, те воют вдаль – звери мужества, будто внутри – стала оземь противна та даль нам по жизни свой день – открывать».

«За кирпичной стеной, за проталиной в смерть ты открыл свой потёмок над Питером зреть и опять по глазам, обожая круги ты наводишь знакомые там обереги».

«По игре над утратой свободы не зря ты почти испустил этим дух по нутру, но своими затёртыми верхом углам переменами – смотришь во мне поутру».

«Тонут чёрные степи в тебе, словно ад и за днём ты готов упираться назад, чтобы слышать свой день как по веку – один и блуждать между мыслями льдин».

«Забрызгав корабельный ад во мне – ты снова проползаешь в форму слов и тают чайки вовремя, что сам ты морю говоришь по небесам».

«Идёт и выше ищет словом чушь свой тайный яд, где пробует меня под день чудесной мании просить о воле субъективности – скостить».

«Не видит и формой не знает Москва, что ратуют взгляды по небу на

рай сегодня ту волю досады пера в ослабленной ниве земного ума».

«Ты довод нашёл у совы в этом сне, а утром ты вышел в знакомом чутье, чтоб быстрыми слову манеры руками исправить тот день между нами».

«Истаяло зарево в поле земном, а ты не отучивать миру готов, а ждать словно чуда – тот день о блага, где сам ты взрастил и врага».

«Газетные формы о блажь не дают тебе распрямлять этот мир поневоле, но сам ты читаешь газету на воле мучительной формы слезы».

«Исподлобья сравнения скажешь мне суть, о которой забыл в этом зареве днём, за которым ты сам узнаешь и о нём в безымянности догмы свободной идеи».

«Нет тебе перелеска, а за лесом – твой дым утопающей бездны гулять от идей, чтобы днём в перелеске, имея тоску – управлять идеалами в прошлом лесу».

«Загнан ты в полутьме и за вечностью день – твой потомок пути на обратной дороге, чтобы множить гордыню вослед простоте из ничейности довода жизни в потере».

«Сохраняешь от чистой судьбы, словно нить – ту проворную форму однажды на имени, но у имиджа старая форма слезы распустила короткие ноги за временем».

«Бледнолицый и оземь гортанный, как рок – твой порок необычностью выстрелит в небо, а на завтра ты слову ускоришь тот день на обрывках судьбы, заправляя в том правду».

«Белым – белым, пушистым сегодня клеймом ты нашёл слову чудо и высмеял нас, но помножил на дне обязательство в час необычности этой причуды».

«День из грёз, день из насыпи в подлинник лет – ты учёл, как притворный на небе поэт и поэтому смотришь сегодня на рай, чтобы чувствами выстрелить в прошлое».

«Над карнизом ты муку свою отпустил, а потом и за руку хватаясь спросил, что есть мочи о древности в липкой норе, из которой ты падать не хочешь».

«Сексуальная тень из-за древней игры мне упала на осень проблемы тогда, где у прошлого в сердце скитались миры и не думали в собранной ночи».

«Не гордись и не думай, что снова твоя, а за числа в утопии сердца держи этот круг параллели, где высмеял лжи посторонние годы на тернии».

«Сердце близкое, сердце безгрешное в такт укрощению близит в реальности факт, но и ты наготове коришь эталон, чтобы выскочить мыслями вон».

«Спросил и сразу отказался в чувствах, а что ещё дерзать судьбе назло, ты сам такой в нечаянности – выскочка и новый показательный актёр».

«Мне судьбу сохранит не отчаянный день, не игла повседневности в часе вдвоём, но дорога за временем, где подошли мы из прошлого думать о нём».

«Упрекая – не думай, что я подошла к этой роли жены на прощание стен, где и ты не приказом учуял свой стиль распрекрасной гордыни

на времени».

«Мне немножко осталось на дню говорить, но из прошлой оценки за вольность нести – это утро под ветер, откуда бы сон на прощание встретил твой мир».

«Жёлтой лиственной прозой и опытом стен ты находишь свой мир обязательства тем – управлением горя, где мало тепла и как осенью слышно возмездие».

«Топишь печь и нет боли в огне для тебя, но искусством ты машешь отныне в свой мир – только ханжеской давностью в сердце больном о нечаянном доме из темени».

«Время лечит твой день, словно полный рассвет, время ищет предел от такого ключа и сказав этим прошлое ты – замолчишь, замолчу на прощание и я».

«Городской сувенир на дворовый манер ты нашёл у сегодня и днём не бежишь по внутри городской пустоте, чтобы явь за тобой пробежалась под стилем».

«Питер может помочь, Питер можно узнать, но игрой по готовой расщелине глаз там в сердцах не бывает указки вести образованный мир, чтоб расти».

«Мне бы полные степи разгульной слезы и горящие формы над временем в явь, чтобы думать над прошлым, откуда возьму им теперь необычность и буду – прощать».

«Смерть не лечит твой день, а напротив корит, что сегодня тебе не фартит, но упрямая в небе звезда говорит, где затерян твой бег о гранит».

«Сердце близит за Питером новый закат, но к реальности слов ты обычно не свят, говоря по народной судьбе потому – эту долгую осень к лицу».

«Над Москвой говорящий ответ мне пропел, что доискивать можешь гордыни края, направляя свой ад, словно день поутру между толпами мыслей во тьму».

«Тебе так легко и прекрасно в том дне, что лебеди ищут за вымыслом сад, пройти по которому смог ты вдвойне, минуя обычности ад».

«Формы современности не ищут след в тоске на запрещённой жилам – сущности пройти и этот сыщик, где-то сбоку вымысла о рай».

«Этим время не жалко, а ты свой потерянный день оправдаешь, им сегодня условив черты современности, будто бы ты – не страдаешь».

«Заморозил свой мир без чудес, заигрался в потерянный рай и над вечностью смыли дожди – эту бренности форму, не зная тебя».

«День на дню и под верностью слов ты не ищешь забытый апломб, точно стал им квадратом в руке, где по чёрной у мысли строке – стала вверенной ношей – вся жизнь».

«Не реклама, не маска лица стала новой эмблемой пути, по которому трудно пройти, но в конце будет время подумать о вечном».

«Жизнь отдать ты не против, но сам заставляешь просить небеса встретить новый ответ на руке повседневности, будто в строке».

«Мы – не мысли, мы – просто игра в непроявленной области звёзд, словно падаешь ты в этот день и наощупь находишь свой трос».

«Говоря, как под каменной тьмой между образом лет по нутру – ты

такой же на лицах в ответ – этой форме известности к людям».

«Журналистикой смажешь черты повседневности в вой красоте,
чтобы время стремилось пойти за тобой – в эту пропасть, как если бы..»

«Стройный образ за гневным лицом и по дням не такой же порок -
для искусства, что можешь ты взять эту мысль для судьбы, точно волк».

«Над Парижем застигли твой шар обаятельной ночи часы и такой же
под чувством пожар – нас застигнет напротив любви».

«Лондон ищет внутри от систем только истину в карте кроплёной,
что идею в заметной среде быть сегодня той формой найдённой».

«На следующей встрече – знак черты, что стали мы здесь ближе и
дороже, но днём не разбирая пустоты – ты вышел сам под новые мечты».

«Этот холм в пустоте преисподней мне запомнился в чувствах, что
тоже я корю свой излюбленный день ни на глаз никогда не похожий».

«Бедные не могут без любви, им бы также высмеять неправду в
точке поворота, где был ты – странной идиомой от мечты».

«Исказил свой потомственный хруст идиомы под наледь любви и
почил этим умственный ус, загоняя свой берег за мины».

«Нам Берлином не стала плоха эта выемка счастья лоха, но
когда-нибудь вылепит рай, словно наледь – другой каравай».

«Ожиданием к смерти ты пуст и гордишься сегодня, что чувство -
только мирный урон голове над прекрасным расспросом в войне».

«Нет в тебе обязательства мстить, нет другой чистоты уходить в
сложный фатум такого лица, где искусишь ты нос мудреца».

«Над Европой нет смелости взять, словно хлипкий картон – эту боль
и направить над должностью вспять муку сложенной мысли – на роль».

«Бедный просит и многим не мстит, но к прохладе за осенью слог
будет в редкой расщелине глаз – только ношей в потомственный день».

«Умоляешь и искоркой в день – ты направлен под нить от тоски, где
у формы скитается лень в оправдательной маске твоей».

«Тише воздуха, ниже воды – ты сегодня над телом в себе и
нечаянной цельностью вдеть хочешь новый обломок судьбы».

«Ещё не говорил, а вебрь в глазах раздул позорно ноздри между
скал безумной параллели принимать – свой ужас, как несчастье и укор».

«Русский для русского в душу томит день из под ветра по тени, но и
для каждого в том говорит свой необычности флирт».

«Словом не видел Европу, а спал в медной чутью идиоме над теми,
кто у приданого в сердце – слеза в выемке нового хода на завтра».

«Развод на лоха, что плохая слеза и долгая нить поворотного рока -
мне будет отсюда играть свысока, чтоб сердце держать у порока».

«На ужин ты чутко в судьбу прикорнув – задвинул идейности
подлую нить, что завтра мы будем искусство хранить над нервным
осколком души, словно мудрость».

«Нет в тебе эталона упасть на виду, но из вечности сам ты наивен и
честь не упала под разный акцент на ходу – безыдейности странной
приметы от встречи».

«Долго думаешь в мире, как форму хранить в этот день
безутешности счастья во мне, словно роком к лицу подводя эту суть
в неприличии подлинной маски своей».

«Не буква и не слово нам на дню карают целый день под эталон, но

будущему способу за мысль – узнать идейность русскую свою».

«Тленный путь, словно город во сне мне пригрезился к счастью и вот – на уме только день – анекдот и прошедшее в истинах долгого мира».

«Воинственный оскал внутри беды не знает почерк зримый между нас, но сам ты им расставил потому – таинственное формулы о фарс».

«Культура лет не прочит нам урон, не тлеет долгий путь наедине, но в каждом благородстве отдохнуть ты снова предлагаешь этим мне».

«Витязь в природной обложке души, вымысла остров и странный надзор между остывшей манерой в себе – словом поодаль свободы несёшь».

«Настал тот русский час и днём во мне искрится форма бытия в огне, чтоб снова рассказать внутри ответ для времени культуры, где и бег – свободный пьедестал любви и мира».

«Нет у проседи мелкой коры, нет у вечности слова плохого, но уводишь ты счастьем свой мир – для другого..»

«Вынимаешь из слов кошелек свой придинок застенчивый смысл и коришь этим душу впотьмах, чтобы странностью вылепить мир».

«Может русский не мёртв, может спало то жало, будто пленный мотив из под времени вжал напоследок твой собственный шанс, где устало ты возводишь посыльному ветру – тот ад».

«Мне бы русской стихии и в воле уснуть на прибрежном раю необъятности мысли, что сегодня в душе нахожу на краю утопизма из злого потока – в корысти».

«Авторский след неподдельной души, словно посыльный из недр на приливе бледной оценки сегодня спешить – видеть ту участь на цели».

«Фамильный тон под звук пародий в нас ищут след восточный, чтобы жить на одном не вылепленном дне, где и смерти нет наедине».

«Жаворонок на руке из мысли – твой судьбы гонец и ниоткуда ты находишь мысленное чудо возле прав у чувства на огне».

«Прошлое не жжёт и не болит, прошлым можно думать понемногу в час, когда бежишь его спугнуть времени под страх, забыв дорогу».

«Не день, не экзальтация под мыслью тебе сегодня не проводят робу, но думая ты сам забрал бы часть – иллюзий слов плохих, чтоб удручать».

«Бледным солнцем из пазухи слов ты начнёшь эту сложность души, где бы встретил свой час для двоих – твой услужливый почерк под стих».

«Родник чутья по праву быть никем – сегодня множит чувство на аду, а ты бежишь серьёзностью манить свой пуд тяжёлой верности – во тьму».

«На солдатской причине под шарм ты несёшь свой поток бытия, но не знаешь, где завтра пожар от такого искусства, где я».

«Менуэт из под длинной ноги чует противно кабель в аду, знает серую мышь, точно плут из инертности встретить свой суд».

«Образованной маски слеза будит тощий актёрский урон и спадает под шлейф этот сон, будто встал ты для мира – с утра».

«Мне немножко не жаль этим блажь, эту вольности оземь весну и наивно ты станешь опять разбирать – укрощение сути».

«Собственный воздух спадает под тень новой беседы за личной стеной, но из-за времени станет изгоем целая пустошь невольника в том».

«Белые голуби высмотреть ад смогут сегодня нам в том – позади,
вверив пробитый осколок, где рад ты осознать этим чувство внутри».

«Прожит и выпит странный резонанс, но едкой формой высмотрел
строку над небом необычной красоты, что словом по-другому пронесу».

«Непригляден и странен ты сам, что упадок за блёклой стеной,
распрявившись под суть небесам, но проказой нацелившись в суть».

«Меркнет время и город во тьме мне неявной порукой горит, чтобы
жизнью уладить тот спор различения дней – в голове».

«День и ночь – всё сплелось потому, что не знаю я вымысла в пуд
историчности горькой слезы в дедуктивности смысла – вздохнуть».

«За безликой твоей высотой, за прилежной гордыней под вес этой
ценности жизни войду – я на доводе пламени в слово намедни».

«Быть ли русским сегодня для слов или тайной, в которой одна
расстаюсь с этой встречей под звук идеальности ветра – в себе?»

«Много множит Европа за тенью откровения мысли во тьме, но из
личности множит последнее суеверие в собственном – сне».

«Говоришь ли в Европе пока там спадают под смысл облака, но
коришь этим чувство пустое в обозначенной маске врага».

«А помнишь мы были над вечностью в поле, как маленькой топи
шаги наготове и жили, чтоб душу свою сохранить, но вымели осень
в которой любить – не можем ту жизнь потому?»

«Обычности степь и плохая погода не знают укора под мнительный
вдох, но ты окрыляешь искусство покоя, когда говоришь – будто Бог».

«Наизнанку завёрнутый смысл я несу и критичный ответ для такого,
как ты, чтобы в каждом ответе развился испуг и задёрнул бы штору
плохого актёра».

«Утоли мою мечту, но не один на восходе философской пустоты, где
белёсой ночи скреплены мосты и чернеют формы утра, словно строки».

«Загнан урон для души дурака, ноет притворная в теле любовь, где
из под верности целит тоска в новую почерком – кровь».

«Осень – не очень-то русской примете стала той маской души на
портрете, но отыскав за прохладой ту боль – ищет свой сладкий покой».

«Может мужской красотой ты не жил, верил на форме большого
ума, что словно день – настаёт и проблема в капельке страха вины
дотемна».

«Образованные болью между тем – ищут ворох счастья этим люди,
но глодают почерком вины свой спасенья круг наедине».

«Красноватые призраки в теле вокруг испустили свой пламенный
день потому, что желаешь ты вылечить небо и дух, отпустив этим
боль не прижитых проблем».

«Завтра не наступит никогда и не будет спаянной тревоги между
формой здоровья вины и твоей манерой, будто ты – ветер постоянства
между Бога».

«Над проблемой в паскудстве застрял ты сквозь день, где измерил и
тьму, но не вышел твой ад наблюдать эти формы манер, словно память».

«Ты проходишь над смыслом во мне и как день разбираешь тот
стиль, что у каждого слога в окне – равномерно уносит элегии в жизнь».

«Потомок постоянной суеты вокруг руин и терпкий обольститель
злой тоски – ты вышел сам привить внутри глаза над пропастью

искусства – рассказать по ним».

«Бездна у бездны не воет под раж внутренней близости стать к одному, мыслью пригодному дню, чтобы пасть в цели от сердца и выиграть войну».

«Не цирк узнал свой день пути из звёзд, но стал им актуальным телом врозь, чтоб вылечить болезни злой каприз, когда ты смотришь идеалам вниз».

«Попрошавшись из верной судьбы ты направишь свой день на другой, объективности сдобренный дождь между каждой удобной войной».

«Прощание и месть внутри вины – не могут укротить твою любовь, не видят обезумевший рассвет, где сам стоишь и холишь этим боль».

«Мне внутри разнovidной приметы – один, ты – вопрос из приличия сдавленных черт, по которым остался сюжетом невидим твой ответ из прожитой любви, вслед за ним».

«За долгим видом черепом стою и волей наблюдаю рок из слов, но что-то подзываю над судьбой из жизни идеалом, будто ток».

«Мне нелестно, но в маленькой тьме ты не хочешь украсить тот свет над природной безбрежностью черт – полной разума жизни по осени».

«Будет жизни иная глава, будет истины малая скорбь, но в душе не забудешь врага ты от жизни пройденной этой».

«Словом русский, а в сердце горит незаметной окалины нить, чтобы внутренне в том говорить и приказывать гордому сердцу».

«День женатый, но может не твой, он почти опустил мир иной и настала там редкости тьма, чтобы думать о жизни сполна».

«Ты устал, а внутри никого кто бы в юмор вложил целый день и угадывал призрак во тьме иллюзорности этого блюда».

«Мерным словом забыл идеал и наверное также меня ты забыл бы сегодня, когда сам уводишь под чувством – примету».

«Чёрным тленом потерянной лжи ты не носишь подковы во мне, а притронувшись в призраке мнишь, чтобы лучше свой ад передать».

«Дом и дача, а также авто заставляют работать на то иллюзорное поле причин, где нет больше других величин».

«Ты работаешь в новой главе обольщения быть на коне, где-то в мудрости выемки глаз, будто в первый от жизни приказ».

«Городской на судьбе унисон вышит в проблеске малой звезды, по которой я вижу твой сон, чтобы снова ответить в том дне».

«Питер сразу направил мне суть удивления быть Королём, но искать место встречи, где гнуть проволоочки под маетным днём».

«Питер лучше других городов, где не высмеян странный манер быть внутри меланхоликом стен из забытой капризности мира».

«Вновь по страху ложится во мне искажения подлая нить, чтобы к личности там в современности свой остаток любви сохранить».

«Где бежишь ты от чувства во мне, где затронул свой ад в глубине искушения стать мне чутьём из последнего сердца – у встречи?»

«Над червлёным, отпавшим зерном мает оторопь странный манер, ну а я расправляю в том часть иллюзорности дней».

«Мышки в воле и черты в мозгу тают в очерке страха нам вдаль, но из каждого в сказке возьму я свой подлинник мира – на власть».

«Зреет странное поле под смерть и в наивности смотрит в лицо,
чтобы утренним телом согреть, словно мудрый советчик в словцо».

«Задавая вопросы мне явь – точно славный алмаз по руке рвёт и
мечет позорные грани в глазах, чтобы стать иллюзорностью в прошлом».

«Для мужской идиомы – ты жесть между мехом из близкой судьбы,
но украдкой я буду смотреть на любовь из другого окна, приоткрыв
лишь черты».

«Не вино и не виски нас ждёт, но притворствует фарс для двоих,
чтобы думать о лишнем в руках, как познать идеалами страх».

«Постороннему вход запрещён, но не в этом чутье под судьбой, где
нелестно ты ищешь покой, как безумец, забравшись под разум».

«Обучение к силе для слов – будто слаженный номер во рту,
обсуждает не весть что, а ту неприятности новость и слухи».

«Задавая капризности явь – ты не слышишь себя, обращаясь во льва,
но несёшь этот крест, чтобы я обратилась на том в двойника».

«Не учёл ты свой стиль и не хочешь корить одиночество днём или
ночью – любить, ты заводишь опять разговор и уму – неприятно
упасть в одинокую тьму».

«Управляешь Вселенной и тень не нужна, как капризная дама в огне
из любви, обучаешь свой рай на уме и тогда – ты запомнишь
Вселенной потерянный образ».

«Между ночью и днём промежутки непрост, он не холил твой день и
не носит твой хвост».

«День испил словом яд и уже неугоден, но почти ты одет в этот час
по погоде».

«На Москве пробил рай и ответ между нами стал вдали
перекладной между ролями, стал вдаваться из прожитой жизни
сквозь рок, утомлением качества вылитых строк».

«Для Москвы ты не годен, не выжат под стиль, для себя ты уже этот
мир подавил».

«Чёрный номер, как искус внутри мудреца ждёт ещё спозаранок до
воли конца, ждёт и знает, что времени нет на конце, но от сладкой
приметы легко в мудреце».

«Жилам тонкий юмор шлёт приметку, жаркой встрече вылепляет
метку, чтобы говорить ещё немного в дар от человеческого рока».

«Ты на завтрак подаёшь свой стиль, словно бы забыл тот день
вчерашний, был ли он растерянным, как тень в обществе – под новые
черты».

«Заяц мудро прыгает о тыл воли современности в упрёке, но не
знает будут ли молчать этим идеалам – подло волки».

«За разумностью вышил свой труд и корит над белёсой затравкой
осень близкой слезы, что ушёл ты в сердцах распинаться о завтра».

«Недоделанный мир на двоих, точно труд безымянной приметки, где
нет боли, нет мысли в ответ – упрекать за отчаянием день».

«Книгой помнишь меня, как черту и пинаешь свой ад многомерно,
но из глаз повторяет там путь – не твоя чередка в этом дне».

«Зверь погоды студёной мне в топь иллюзорности – снова упал и как
близкий актёр передал этим утром – разбитое сердце».

«Верь – не верь, стало плохо в том дне видеть позы разбивчивой

мне, ограниченной формы о роль, словно в том упрощаешь и день».
«Самый старый отшельник мне – путь, по которому сможем пройти, там не зная, откуда вздохнуть над иллюзий в собственном мире».

«Видел синий он свет и хотел, чтобы небо запомнилось так в расстоянии воли в окне, направляя свой личности мрак».

«Горький след на кону дурака мне для пользы укроет рука, только в жилах огонь не горит, поправляя свой времени вид».

«Поле плотной судейской войны надо мной, что есть мочи повисло и нет берега жалкого в той, окаймлённой на дно красоте».

«Будет лучше, чтоб время в вине мне повисло, что в форме окна - разновидность непройденной маски из льна в безграничности мысли манерной».

«Этим стыд не придрался, но сжал иллюзорный проход на ходу, где и я за приданным свой мир для ума – непременно найду».

«Серым оттиском в бурой стене выучит словом осла – твой манер и наверное будет он мне, как довольства суровый актёр на войне».

«Безопасностью вышит за днём этот вид, словно жизни гравюра и лёгкий гранит, по которому славно проходим, клеймя – суд неважный для эхо в меня».

«Долгий бисер и ценная мантия в шанс убирают твой день, оставляя за словом – только вымысла долгий ответ на кону издевательства жить за вину».

«Слава, толки и лживые сплетни – все они не нужны для поэта в час, когда ты напишешь свой ад для второй объективности – днями назад».

«Будешь думать и мыслью корить время чаек в неспрошенной тьме, будто к морю под ливнем ходить за ненужностью высшей причины любить».

«Обещал ли сегодня быть мной, но не утром, не днём не пришёл, свой забрал эталон неземной и отсылному время – под шоу».

«Чёрный галстук и рознь на кону дурака мне в обычном предделе души не куёт – этот рай для двоих, а поэтому ждёт между миром - ненужная в воле тоска».

«Сложный день и такая же форма души – внутрь тебе благородно уносят за сном время в толках, чтоб внутренне там говорить и оправдывать стойкий поклон».

«Зверь в руке, точно маска на слон между нас, дух в тоске и немного под счастьем погас, выгибая за этим и спину».

«Мне не в шахматах стыла под время война, а за днём повторения стилия вины – этим прошлое вымыло слаженный ад, чтобы точно под ним говорить».

«Берег духа и стойкий гранитный оскал мне не нужен от слуха потерянных скал, где стоишь и не можешь судьбой угадать, что искал ты у жизни тогда».

«Золотые на цепи фривольности сны в золотое от меры предание глаз оттирают по времени только черты – в безыдейности думать о нас».

«Древний колокол в каждой руке отнесу этим днём за забытый порог, словно суть и нечаянный ветер из глаз для двоих, чтобы думать о судьбах твоих».

«Ночь цветная над блеском затерянных лет, ночь безлика в

пройденной ноше чутья, только день однотонный и форма твоя - откровением пляшет нам зорко».

«Центр души из забвения стал мне у стен, как заброшенной маски скупая слеза, чтобы утро пробило иллюзии плен и закрыло для ночи глаза».

«Мает ветер от Питера форму любви, только ночи внутри там короче, чем дни, мне они напророчили форму из слёз в безымянности долгой глуши».

«Пустота и наверное стало спокойно покоряться излишествам в гиблой тоске, управлять благородством, пока не воспето – это утро на той половине из лет».

«Дни нечаянной маски продлили шаги, чтобы жить подороже и ставить свой ад наверху от дозорного общества в такт – управлению мысленной формы руки».

«Время лечит и многим отшельником лет стало холодно ждать твой ответ, он сегодня устройством забытого сна – мне расставил на минах пути от вопроса».

«Точно осень из мнимого города взяв – ты уносишь под влажностью снова меня и забытое общество, словно строка покоряет для слов облака».

«Над жемчужной окалиной в сердце смотрю и всё ближе искусственный ад под ребро загоняет мой пройденный свет на огне, будто жизни смотрю – этот день».

«Свет московский и черт золотая гряда там несносно укроют разлитый восторг, чтобы день затворял иллюзорностью торг между будущим в цвете, меняя меня».

«Берег дальний, что зверь за противной игрой, берег скроет мой фатум от недр по любви, но из смысла забыть этот день не смогу - буду формой отсылкой на том берегу».

«Мыс у моря, что мысли плохая пора, мыслит болью до нового рока у дня, под который ложится твой камень из бед испытания новой судьбы о портрет».

«Не преступник и нет от тебя уговора – быть то ближе, то дальше другого позора, где от дней приходящих устало корит – враг земной и о том говорит».

«Пропадаешь за долгой утратой любви, словно тени сгущаешься в днях потому, что утратил свой звук и манеру во мне – между бездной и мыслью в огне».

«Чёрный прииск под страхом земли не лежит, он всё помнит и сам от того дорожит быть искусством на малом пороке души, заставляя нас опытом жить».

«Воплощением ветра под страстью хожу и свой день наизнанку на том ворожу, но не знаю откуда мой рай из небес – льётся стройной пародией к склепу».

«Для готической поступи стала мне явь, что презренный манер как у дня выбирать там смогу ложный смысл и потерянный блик - непригодности слов умирать, точно миг».

«Разбойничий у сходства слова мир – ты сам направил точности слезу и ждёшь её оценки, чтоб искать на сердце пережиток этим в сути».

«Двери захлопнулись вровень к лицу, стало спокойно под смерть мудрецу в ложной оценке сегодня стоять, там измеряя нам память».

«Стол деревянный и короб во мне стали приданным под совестью лет – ждать, что укроет там смерти игра – новое общество бед».

«Цифровые тени в промежуток ставят этот день так непривычно, что таит там общество из муки – воздух окровавленной разлуки».

«Несносный день для вымысла мне сам расправил пошлый юмор под нутром, но вышел, точно хруст в универсам под бдительной отсылкой – там на грусти».

«Выше прозы мне дубль в голове, но и в найденной просьбе не жду – говорящее чувство за мир, что когда-нибудь снова найду – этим форму свою».

«Повесть между ближним за рукав слаженно глодает формы прав и несчастье прячет в свод тоски, чтобы Питер повторил тот мрак».

«За оконной проталиной смерть и грядущее в смыслах о лжи, где не знали мы множество этих портретов – из не ношенной робы войны».

«Пусть числом не богат ты на искреннем дне, пусть снуют этим дрязги под раж одиночества вымерить странные формы в душе, и от этого только бежать».

«Укоризна упала под мусор в тоске, упрощая свой мир в безоглядной игре, где и ты не прощаешь единственный ад, но к вопросам не смотришь упрёком назад».

«Этот Рим не порвал отношения вновь с исчезающей формой любви за урон идеальности видеть ту ночь, что восторг между каждым из прожитых дней, будто солнце».

«Нет лести упрощать сегодня ад, он высмеял тебя, теряя смысл, но в будущее смотришь день назад и будто бы построишь – не его».

«Словно крыса крадёшься ко мне невпопад и теряешь свой смысл для короткой руки, но нечаянно волей горишь, будто яд, возвращаясь за телом всё время назад».

«Холодно и сыро, как в квартире ты стоял к подножью благ своих, но не передумал ждать ещё собственное сердце – на поминках».

«Будто бы рознь запечатала ад в сердце твоём, чтоб вернуться назад, в час, когда нет уже пищи и слов – только куёт одиночество раб».

«Цепи смыкаются в призраке ран, ты ненаглядно там смотришь вокруг в детство и ждёшь, что не стало тебя выше искусства – такого как я».

«Пепел из россыпи мнительных грёз стал для тебя – будто слепни в плену мысленных образов туч, где подрост ты для всеядности – звать на войну».

«Ровный испуг нам катает за сном ветер из призраков бурь, когда ты в одиночество смотришь на мир, только не можешь им дух – передать».

«Питер ничейный и Питер, как друг в пепел твой день превращает сквозь сны, в том красноречием став, словно путь в детстве из розни – обратной войны».

«Розы из зла и алмазные сны стали мне родом идейной печи, где за обломками спали не мы, тронув тот ад постоянства в ночи».

«Порох из встречи стал новой бедой в бледной окраске у времени, взяв путь этот гордый и стремя из глаз, где за коварностью вылепит нас».

«Рим в пробуждении станет мне тьмой, Рим в осуждении встречен с судьбой между Вселенной и точкой нароста, будто бы страхам нет счастья в душе».

«Город не меркнет, но долго под стилем дождь прибывает овалы крылья к небу бесчестности, вылепив ад мне на иголках от муки - заплыв и бежать невпопад».

«Странное время мы проживаем, будто идём, а на встрече линияем к местности времени, став по рукам – только историей в даре от чувства».

«У чёрной руки – не твоя клевета, но манит тугие края этот ад, что будто бы имиджем стала тюрьма и новый наследия мира наряд».

«Обучает время поздний шаг, чтобы говорить и чтобы делать муку символичности куда – ты бы сам заправил идеал».

«Меньше маски в лице у актёра, но испытывать полон он сил, будто страхом узнает свой ад – наготове от чувств говорить не своё».

«В профессии, как в мудрости заря внутри происхождения уложит твой день сегодня, в том лишь – говоря, что это ближе идеалам сходит».

«Сфокусировав стиль на лице – ты не множишь за телом восторг, но под чёрной игрой был никем ты сегодня, а может и сам похудел».

«Близко душу корит твой подъём для врагов – самый старый кордон между пафосом смысла и тьмой, где в душе идеалов ты сам – не такой».

«Воцарилась пустота и окружение от почести – не явь, но из тленной формы мерит день возраст, за которым отвечаешь – только ты».

«Распутал любви детектив и стоишь, что ночью в пути от расщелины щит и маленький гнёт не такого, как сам в итоге от чувства – приврать небесам».

«Может вылепил Лондон в своей голове ты немного получше, чем явь, но уходишь у чувства и мельче в глазах идеальности гордого довода врать».

«Шипы у идеальности видны и помнят форму мира, где и я старался звать твой юмор от обид и в душу шевелить проворный – крик».

«Расширением слов ты пробил потолок, словно миф от утопии тычет твой стиль, и теперь ты стараешься выждать тот срок, где бы вылепил найденный вызов в уме».

«За жирафом пошёл твой ответ, будто шея и старается вызнать искусство к тому утомлению боли, что держишь вину ты добытой угрюмостью – в цели».

«По уму, как по вене спадает рассвет и качаются пользой строптивные дни, но гордишься ты страстью, что формой внутри отбелённой добычи, пока в ней не умер».

«Дотошный ад всё сверлит край земли, а ты крадёшь отмеренный ответ и мучаешь меня – покуда свет не перешёл искусственно дорогу».

«Отпустил ты удачу на взглядах внутри, а она повернулась и смотрит вослед, что такого никчёмного в возрасте лет не видала доселе – на тайной звезде».

«Почему ты не смотришь в свой времени ад, по которому хнычет иллюзия сквозь удалённый ответ на компьютере близ – управления собственной формой руки?»

«Мне бы множиться в числах и просто вести свой оставленный свет для одной пустоты, где реальности след ты не видишь, но сам -

поставляешь там возраст из смысла к уму».

«Пропустил по стаканчику – может уснул и возможностью глядя в понурый рассвет ты не знаешь сегодня, что этого нет, чтобы завтра настало, как будни».

«Повседневность истаяла в ритмах дождя и стоишь ты внутри, как медаль на кону, где-то с вечера пользы, где видел одну – говорящую воду о сердце в глазах».

«Попробуй быть другом и мелким червём, когда из реальности будто бы вновь ты ищешь свой дух идеальности под – строением нового чувства для разума».

«Вкатил твой мир – примерный эталон, а ты впустил им долю слов в глазах, чтоб быть себе примерным джентльменом и думать о реальности – под страх».

«Возница из двух лошадей – будто гром и каждый кто ищет ту правду в себе, не лжёт от реальности думать потом, как миф идеалов на сути проблемы».

«Цифровой ли код ты миром угадал – думал, что таинственное вновь душу центром тяжести постигнет, чтобы убежать от этих лет».

«Нивелируешь и ищешь путь претензий в форме слов, чтобы в будущем ты сам – укротил любви огонь».

«Буря ждёт твой мир на дне, чтобы лучше вспоминать форму бдительности сквозь отвратительный манер».

«Для уловки ты душу продашь даже днём, но готовишь ты честное просьбы из глаз, будто сам отзывается в толках к уму – первый раз».

«Голодный джентльмен на перерыве пытается упасть судьбе на дно и сам не хочет выбирать дерьмо, но ищет поприместее в судьбах».

«Серой маской встретит счастье твой обиденный пример, но в углах капризных стен нет мне больше дум прощаться».

«Открываешь свой выдох и пуст твой подземный, отмеренный день, где и сам ты гулял по дворам, направляя тот времени хруст».

«Почему не сбываются тайны души, может сам ты им пропил свой путь или стался от счастья таким не у дел – в безыдейности жадного прошлого?»

«На душе крокодилы и в смерти рука – тянет общество мира до призрака, где-то в воздухе помнит о чуде за толк – непомерной иллюзии вылитых форм».

«Обстоятельство выше меня, что война, но другая любовь – не твоя суета над покоем из раны забытого сна, чтобы выше не прыгнуть – за прошлое».

«Отчуждением смотрит проворный мне враг, он то думает полно, то душу кривит, но отчаянный сделать не пробую шаг – это всё иллюзорности разума высшего».

«Не омет мне готовит из счастья жена, но оправданной гордости смелая нить, что корю я свой день над обрывками зла и хочу потому для любви – изменить».

«Кирпичною стеной мне выпал долгий туз, он вылит, словно роль, а я ему сквозь суть – не бледная картечь для мыслимой слезы, но тонкая медаль по праву – для войны».

«Широкополосный разгон для двоих, что мудрости осень и смелый

мотив, где будем претензией только у слов – мы вместе искать этим душу в засов».

«Каменные формы мне в глазах призрак заставляют танцевать – между линий пройденной игры, заковав свой уровень морали».

«Язык – это бурный мотив для любви, но тоньше искусства спадает для слов – им мания думать, что будто бы Бог себе ты от разума – выше итога».

«Под сердцем неявно свой день берегу и думаю в прошлом, как много могу я жизни сказать – заставляя бежать ту форму маразма по крыше».

«Улица из роз прекрасней слов, улица – мотив из лиц знакомых, но в судьбе нам слепо бережёт – уровень морали той обиды».

«Идея внутри расцветает, как явь в душе превосходства и муки под жаждой, но ценностью больше не любишь ты ей – свой воздух потери ролей».

«Цыганские тайны и мир без чудес сегодня увидел твой лис из чутья, но смогут ли выжить за ним – имена, что в душу хранят – лишь капризы?»

«Бледнее воин в день своей беды, но также сам бледнее у воды и смелый жар безумия под ним, заискивая пройденное – время».

«Полный месяц спадает под звук за инертностью блага в руках, сколько ты проложил между муки – и считаешь ей форму в науке».

«Попросил ты отчаяние слов и отдал наугад свой корабль между призраков горькой слезы – вместо мудрости, словно бы рок».

«Постоянство, что твёрдая кровь – мне не больше, чем пядь от души, в день, когда говорю и пройду эту форму оттаявшей лжи».

«Монетный двор над мыслью пронесу и вдаль себе угрюмостью слезу – там вновь расположу, пока непрост мой шаг внутри чудес – увидеть рост».

«Мужское обстоятельство, что шрам – меняет формы мира от ноля, но мир не приспособившись корит и этим даром мудрости меня».

«На очко ты поставил и ждёшь, чтобы утренний свет прояснил, где тебе убывать по луне – на природной иллюзии ввысь».

«Шагом к смерти всё время идёшь, но не думаешь вызнать итог, по которому стал лишь корить – идеалами пользу для слов».

«Ты один вспоминаешь меня, закрывая мне свет на душе, чтобы высмеять прошлое там и отзывчивый повод для сердца».

«Шакал из ветра постоянной лжи – ты жаждешь формой лиц уже не кровь, но ищешь этим прошлое, когда была больна иллюзия – в любовь».

«Нет истца из искусственной мании мне, чтобы думал на белом потоке чудес, где и я превзошла бы такую любовь и пустила бы сон – на коне».

«Безвестный мир как призрачный союз – не видит прошлый юмор и не обит сознательным искусством, точно крут он в нравственном приличии – к тебе».

«Больше ран и несчастье, как соль в утопающей маске следит за тобой каждый день, чтоб обид не возникло там больше».

«Произошёл, чтоб нервом потерять свой мир наедине угрюмых слёз, но верностью не сразу предсказал ту форму необъятности – слуги».

«Поворотной точкой времени не спит – твой актёр из формы мудреца, словно сам забыл себе обиду на происходящем – без конца».

«Пепельный град из-за времени в толк мне предъявляет большие глаза, в мире, где формулой можно сказать – только отчасти немного».

«День из подчистившей мании взял твой кругозор и немного увёл мысли на воздух, чтоб там передать – возрасту славу былую».

«Мыльной пеной ты ищешь свой сад, в день одиночества только молчишь – мне исподлюбья противника в дар собственной совести где-то».

«Отчий – не разум, отчий – твой дом, может быть сразу ты вылечил в нём духом крестьянским ту пошлости хворь, чтобы указывать – гордость умом».

«Без имени и без короткого упрёка – ты ждёшь сегодня день, что без изъяна на противоположной форме муки, где нет тебя, но случилось много звука».

«Мужчина из зрелости тешит ту боль, что опыт в ответе за нравственной тьмой – ему открывает другие пути и верит, что там не пройти».

«Внутри – мизантроп и качаешься в пасть иллюзий в тоске, чтобы снова упасть на низменном поле плохих дураков, но быть «не таким» – от лохов».

«Серьёзный вопрос и неделя на думу – ты балуешь форму за здоровье шумной историей формулы в теле фатальном, что был не всегда идеальным».

«Наверх ты не смотришь, чтоб встретить весну, направо – не видишь укоры в душе, на левой ноге нет иллюзий вести – тот фарс за иллюзией же».

«Форма философского упрёка ждёт и мает сон твоей души, чтобы верхний маятник провёл – там свою истерику за сроком».

«Душит и прячет твой памятник рока – снова догадка, где стал бы ты сам верить о том, что и ты неугоден жить под иллюзией в тон небесам».

«Дышишь ты формой фатальной и мне больно смотреть на другом ли окне – стало тебе обещание мнить, будто бы стал ты идейным, как птица».

«Путь литературный вровень звёзд, что плохой укор внутри морали – думает там просто, но не сносит твой ответ в усилении молчать».

«Душу за ценой горящей страсти ты открыл бы мне, но не твоя форма благородства будет жать, как пиджак из ситцевого толка».

«Прямоком на последнем плато ты пришёл, но у завтра внутри есть особенный путь – ты ему непригоден для счастья и там ты найдёшь аллегории подлое время».

«За Москвой ты начинаешь повод лет, к миру приготовившись взамен колкости иллюзий – будто сам ты себе из нерва в небесах».

«Крутишь частный номер – самолёт вдаль своих упущенных надежд, но из каждой точки на тебя смотрит то обычное нам – небо».

«Выше воздуха в мере ты слов, но над чёрным пространством души – только памятник в ящике том и наверное слово художника».

«Музыкальный повод жизни, что игра для тебя сегодня – лучшая мораль на столе иллюзий, счастье выбирая или достоверность жизни

той».

«За массой народа ты жил, чтобы путь тебе необъявленной ношей манил за верностью прошлого, где сохранил – он верному долгу бока».

«Бычий взгляд и место слов в огне, будто между правил – нет тебя, только тонкой струйкой отпустил – ты себе заигранный манер».

«После театра нам стало светло жить в этом мире без ветра в глазах, будто бы падали звёзды на прах – солнечной мудрости в теле искусства и зрели».

«Пусть за этим миром нет тебя, нет и главной участи в годах – ждать свой застарелый, мирный прах, что рассыплет вечность на поэте».

«Ужас охватил твой хруст в кости, ужас смерит прошлые поля, где-то в черепной коробке жил – между миром прошлым от меня».

«Ад внутри студёной нервам лжи просит дух обыденности, чтоб ты искал гранит науки для – слова идеального сегодня».

«Посторонний не пишет поэту потом, посторонний обыщет укромный сосуд между правом искусства блуждать – на огне и неверием прошлого думать – о том».

«Отчество, что мелкий след в огне – думает прожить сегодня мне и карает в притчах во стократ, будто был иллюзией – богат».

«С ног до головы – ты не одет, будто прямо выстоял свой суд в мире повседневности без бед, над второй иллюзией – в себе».

«Сужается неба зрачок и кладёт напротив тебе – иллюзорные грани, где будем мы ужасом видеть свой ад, направив тот мир наугад».

«За букашкой нет плохих примет, только тонет общество в руинах слова постоянного – просить вылепить иллюзию сильней».

«Городской авангард мне просил бы ещё – видеть сложные в теле глаза, но в душе отпустил я свою канитель и увидел ту волю, как ложности чувство – в потере».

«Психолог – без начала и конца, как время без иллюзий в мудреце – не просит и не здравствует, а так – болтается от времени в мозгах».

«Пустота для отжившего чувства сейчас – постороннему свету открыто в глаза расправляет поклон между временем в нас, чтобы что-то в душе отыграть».

«Белый день, как затёртая в форме тетрадь – мне неясностью вылитой просьбы манит и не думает в обществе что-то продать, просто в душу любви – тот итог сохранит».

«Простота – хуже милой улыбки в лице и не очень ты ждёшь для игры – эпилог, но касаешься новой в обрывках души, чтобы видеть свой жизни пророк».

«Распустил свой души козырёк и в ларёчной иллюзии стал – неприметен, что проток постоянной рассеянной лжи за игрой неминуемо ложной – внутри».

«Сказкой день твой наполнен, а сам ты напишешь в том чувстве свой мир, где в обрывках катаешь им яд – постоянного ужаса мысли идти наугад».

«Мне окно из-за серой причины в душе – точно склад занавески и ночь на пороге, всё не любит иллюзию в пасти судьбы, но в окно превращает строение в людях».

«Тихий спор от несметной проблемы там спал и касался от ужаса в склепе – твой мир, тихим светом засеял от мысли пожар и настиг современности – долгое эхо».

«Мне нет места в душе от тебя и напротив – нет места мне спать, но укором в душе вспоминать не хочу – то неясное в теле пространство».

«Жаркий день мне от Африки стянет хвальбу и потоки песка, замирая под дым из густого строения – встретят там Рим, где бы стал ты сегодня внутри – беспокоен и ленин».

«Внутри Европы стихла казнь миров, но сумерки настигли пуд вещей – о том разговаривать в догме слов, чтоб будущее вывесить под маской на уме».

«Сон из твоей аналитики годен – мне на сегодня и в душу манит, чтобы из сложной рутины на моде – вылепить качеством мир».

«Больны не все, но все смотрели в воду, что кажется больной в свою угоду на краешке любви, когда б одна она сегодня постояла – в мире сна».

«Видеть день не таким, как оно представляется в форме из глаз, верить в чувствах, что это впервой на итоге любви – выбирать этот вой».

«Снежный ком в глазах закрыл колени мне на цвет иллюзий – под дулом мысленной пощады видеть людям только аллегорий долгий сон».

«Днём иль просто в нас ты ходишь криво, направляя вечности надзор на объём своей тоски крикливой, будто выпил ты от рома – том».

«Держись и не гори внутри – от льна, от форм иллюзий в древности своей, ведь могут жизни в этом передать – они лишь только выхлоп от ума».

«Мир нещадный в проруби из глаз вторит этим днём – последний раз, что один застыл я в чёрном гробе между калькой общества – для нас».

«Из близких недр тоски – ты не погиб, но сам сжимаешь ворон в толще скал, он снова прилетел, чтоб укорить тебя внутри агонии любви».

«Может смотрим на образ другой параллели и напрасному телу боимся признаться, что уже по душе мы вокруг надоели этим мыслям – душишь там пространство».

«Одеялом нежным в поле застелю прошлый мир от смерти – по угоде, но держать стропила в дар свободе в качестве души – так не могу».

«Безымянный потомок из сердца привит мне сегодня в чутье – о свободу, он как будто бы горек и в теле болит, но не знает о том, от чего говорит на душе испытания – в моде».

«Кавалерийский полк под жаждой быть в глазах сегодня укрощает смертный – стыд, но думаешь об этом сне подряд – ты тысячи иллюзий от обиды».

«Шум новостей из-за права вины стал тебе новой – тюрьмой, вылепив склочный характер и стиль – после идейной борьбы за собой».

«Жемчужная даль из пути по дуге не знает, как в сердце противно стареть, не вылечит качество нового дня, но будет о том говорить – без меня».

«В поле идейности гордо ответ держишь из старой души – напоследок, держишь, но знаешь, что будто бы квит в тонком уме –

зывать в этот путь».

«Чёрные формы из глаз для тебя вылечат космос реальности мимо - слов утопической зрелости быть, только лишь властью кумира».

«Ранами подлая смотрит мне смерть в поле глухой парадигмы – об осень, ранами думать, что бы спереть, выучив слов человеческий мир».

«Пороху больше от дней первозданных, шорохом меньше гранитные стены падают в обществе новой программы, вдаль забывая свой миф планомерно».

«Очерк в сердце мудрости пера стал писать сегодня до утра я, но истаял в пище мерных глаз за одной из строчек – о тебе».

«Пышная грудь и в любви королевский, новый оскал между жизнью и плетью, вдумавшись будешь хранить на корсете, чтобы мечтать в элегантности леди».

«Сам прозорливый, но носишь сюртук в джинсы свою запирая мораль, может ты был идеальным примером, но укротил только сердце – свинца».

«Рубашка из власти пути в современность, что очерком стиля - матёрый приём, сегодня не носит свой дум упразднённый, затерянный миф о богатстве – потом».

«Не душит мне седой оценщик – осень, он думает, что прожит старый день о мысли на вопросе, где ожил – тот призрак из затерянного солнца».

«Гиблое вдаль угоняет твой рай, ты остановишь плохую приметку, чтобы обрадовать новые дни – словно бы в тело забрались они».

«Сердцем не стал ты играть в чемодане, прыгать за лестницей в плотном оскале, но из-за стен ты посмотришь на суть – общества бедного, чтобы уснуть».

«Время приличию волю калечит, знает и в тесной морали в том встретит – формулу древности, будто бы дети – стали одни мы на свете».

«Дом твой построен, а день не приходит, вынув свой пуд оболъщения в кровле, будто узнаешь ты часть от присутствия в том объективности, как на законе».

«Разум пробит и нет счастья искать мир неземной, но подолгу любить в обществе – разум затерянных лет, только от писем и то от друзей».

«Знаю, что скоро погибну в той тьме, знаю, что буду я маленькой пищей в ранах искусства войны на огне – в низменной воле опять притворяться и жить».

«Нет цели укорять сегодня серости черту, а только поддержать за пустотой – тот форменный обзор, когда чертог в мой входит духа собственный – манер».

«Напрямую из дней по любви говоришь и заядлому склепу в той маске не мстишь, но горюешь, что старости подлая нить – время тянет на общество в тон – дураку».

«Прошлым благом не сумели мы вылепить себе ещё апломб – только поумнели между черт, заново в иллюзии о том».

«Благой на дубе вылепит свой рай, благому смотрит в чрево - каждый путь, а ты приходишь в душу, словно край надежд на обещание – вздремнуть».

«Долгому телу мы спали вдаль в меньшей свободе и думали только, что проплывают за сном корабли, высмеяв слово – под каждой минутой».

«Догадливый и очень мной уложенный манер – там душу шевелил, как благородный час от пушного восторга, но что же делать обществу в глазах опять таких, коль можно современностью понять, не объяснив?»

«Ты не выиграл свой пуд новостей, но из жаркой постели нашёл мне подарок на мысленной фее, чтобы время так долго не шло».

«Уговорами порознь в теле стоим и не смотрим поодаль плохой суеты, просто в мире умрём от такой красоты, где и будем ей – зверем».

«Запредельная тьма – ты не носишь свой путь, а гордишься особенной маской вокруг утонченности листьев о поздний рассвет, чтобы думать, что снова мы стали – друзьями».

«Подлый мерит ту маску, что хочешь понять в глухоте подземельного воя причин, а потом перенять утонченности время – будто воин и этим томим».

«Завтра будут расспросы ещё на умах, где не будет исконной проталины в бег, но упав человеком – не можешь ты встать от закланного общества в мире портретов».

«Хилый носит свой день и потёртый пиджак, хилым номером мерит проворное темя, чтобы стало оно подлеца унижать, но в культуре обычных сомнений».

«Говорящий рассвет и тоска на губах – любят осенью смело блуждать к параллели между каменных плит, где не можем ужать мы скабрёзности сердце – отныне».

«Богом ищешь свой путь, он такой же, как ты, Богом смотрит в тебе и наверное мстит – между дрожью времён, что не стали последними эти мысли на смерти – наверх по нутру».

«Королевский овал между мнительной тьмой – выгрызает портрет в человеке чужой, забегая за яростный вопль по тому – иллюзорному полю на масти дворца».

«Пусть не кролик, не выемка в пасти лица – мне субботний манер ухмыльнула взамен, там затисканых порознь власти огней, где нет сердца бежать – вслед за ней».

«Быт и прошлый манер мне опять – потупит, чтобы средство на отмели выменять в рай и тогда, по объедкам корить за судьбой – элегантности, думая – точно не свой».

«Над кроватью ты выше и в чести по мне – сам положишь кроватные тени мне в ряд иллюзорности мира глотать под нутром – только воздух притворный потом».

«За работой, как волк за ковровой тесьмой – ты воспрял и не умер в трагическом сне, где-то в космосе лучшей зарплаты отвёл – душу подлинной мании в празднике мне».

«Пишешь, словно тюфяк, затмевая свой мир, а твоя параллельная тога прихлась – мне под Рим, от которого люди болят и не знают, что сделать там с ним».

«Весь изношен в портрете усталой слезы, ты на свете, что воин внимательной роли, сам не знаешь, но думаешь выиграть мне – кучу баксов под блеск на законе».

«Над причалом ты высмотрел собственный ад, там упал и не можешь вернуться назад, чтобы выключить свет от такой простоты – между временем, сколько уложишь здесь ты».

«Быстрыми движениям в том – русский сам и в памяти мне сон, также русский в тесноте миров – коль укрою счастье между слов».

«Быть ли счастьем в подлинной звезде, верить ли от почести, что звук знает аллегорий страсть – на нас, будто завывает смело зверь?»

«От противного тянет Европа под стиль на угаданной позе из лучшей игры, но погиб там угодник любви, точно зверь покаяния смерти на долге – судьбы».

«Карма плачет в собственном оскале, что за смертью нет ей никого, но у тонкой линии на памяти – стали мы желанием и ставили на белое».

«Знак червлёный мне просит эту знать – быть угоднее в чести из глаз, но железному доводу пусть совершит – память подлинной маски, отрывая здесь уши души».

«Поиграл бы сегодня твой довод для мифа, но и сам ты играешь для жизни в отместку, проводя равнозначный достаток прогресса из любви недостаточной, словно бы плут».

«Может время страхом напугало – твой в душе отшельник понемногу, но сковав от умысла дорогу, выжмет этот путь – ещё назад».

«Эхо в современности не просит женский стиль укладывать на осени, но не обрастает плоть причины – формой обязательства мужчины».

«Трудно угадывать в небе звезду, трудно быть шёпотом в теле у Бога, но из под каждого дома войду в мысли твои, открывая им – тогу».

«Символ надлежащего упрёка свой куёт железный пьедестал, чтобы говорить ещё немного и в душе отгадывать бы слово – под которым стал судьбе в оскале».

«Ты на будущем в мире – здесь рок, но спадает от качества жил мне притворной иллюзии – только строка в рукописной примете, такого как я».

«Сам не свой, не плохой, не чужой от притворной среды, но по городу вьётся мой холод в пути пустотой, чтобы загнанный зверь расстоянием вылепил часть – той потери внутри укрощения близости при».

«Мелкий и обыденный восторг – жалко смотрит в кучу на восток, из лица каймлённого, где роль – та же тень монументальной боли».

«Жалкий рокот под днём без чудес – мне запомнил бы стройности падаль, где безумием можем мы падать и вопить свой – причаленный вес».

«По Москве я гуляю весь день и в расчётах там к мысли – вина поглотила мой звук до того, что упал в благородство от времени нот».

«Чуть свет и снова загорелся в сердце дом, чуть встало мирно зарево над днём и весь мой хлам души – объединил ту сущности печаль для перемены мира».

«Слишком боязно спать по ночам, в час, когда этим смотрит твой вой на протухший ответ промолчать на закон, но бежать из иллюзии в воле – затем».

«На градации серого в поле – сосна, над путём современности

стонет она и нет счастья убраться эталонности вес – из ничейной главы, засыпать от прогресса».

«Может мудрым ты стал и сам не без дел, как от лучшего чуда всё крестишься вверх, замыкая пространство у носа тревог, что не любит тебя – твой излюбленный Бог».

«Прощание из сердца вдаль руин – мне плотно показалось там вдали и через сотни тысяч километров не ушла одна мечта – оставить всё, как есть».

«Лучше б в случае прыгал твой плут через воск в безыдейности тут, чем кормил свой оценочный день, заправляя от мести – в душе акварель».

«Быстрыми шагами стонет проседь из последней чаши современной, что одни остались мы на свете – думать и кормить пути Вселенной».

«Без обещания и шарма в пуд – игрок, без лирики и тени сам – пророк, но в лучшем виде стал себе ужом – под мастью интереса, чтобы ржать».

«Отпусти европейское в поле времён, чтобы двигать прогресс на извилинах в нём и держать словом чувство под смертью – в душе, будто сам поспешил удивляться – уже».

«Беды и детский надзор мне – пока ставит за наледью поле идей, но близорука, как в поле тоска – я посмотреть этим время на темени».

«Красный цвет мне прочит ад земной, но к итогу пробует здесь суть, чтобы днём не вывернуть мораль – из иллюзий прошлого взглотнуть».

«Бум апофеоза в масках слов снова указали к людям – мчась, где за перебежками ты сам будешь счастьем время – отвечать».

«Ты не хочешь по дню расставлять здесь силки и в себе на поминках не держишь тиски, что прожил очень странную жизнь и теперь – ты не хочешь открыть этим дверь».

«Прибыл поезд в маленький загон, прибыл и всё ждёт, когда бы сон спал от промежутка дурака, будто в небе – лёгкая строка».

«К самому тихому аду ты вышел в том мизантропом и будто бы – слышал, как в беспричинности манят людей – быть обнажённой игрой Королей».

«Путь серьёзных дам и громких судей держит стол невинности – о мрак, чтобы заготовив день не думать, будто ты от чувства – там дурак».

«Пантомима от зрелого возраста в пасть – мельче крайней тоски, умножая вину, где иду в зазеркалье, упрочив тот ад и наверное больше и сам не вернусь».

«Детство – не просит, не льстит от людей, в детство мы бросили камень – людей, чтобы к обрыву на том подойти, временем больше и право – найти».

«Ты не потомок от качества дней, взглядов и почерка сумерек – в том, мыслью уложенном городе глаз, где обсуждают твой новый – приказ».

«Держатель любви от плохого конца, где сам приготовил ты маску – для солнца, где выменял личности прошлый – магнит и должен опять за дорогой стоять?»

«Осьминог и прокрученный зверь в пустоте обезумевшей маски гореть, точно те утончённые пакости смотрят вослед – иллюзорному обществу, словно бы мне на заре».

«Резкость из нетленного руна – благо заправляет дотемна, но

приходит бал и к счастью тот кто не любит вотчину – не ждёт свой внутри особенный ответ».

«Редкость спадает на спину слону, чтобы увидеть свой рай по тому облаку зрелой руки, не боясь жить обстоятельством, словно родясь».

«Поле крамольное снова пишу, но не узнаю, откуда дышу в письмах из прошлого, будто бы там – стала себе неприглядной на саван».

«Множит идеальности фарфор стойкий искус пленного ручья, точно идеальности – ничья и потуги мысленного чувства».

«Образован, чтоб думать о нас и тащить этот груз на лице, но быть может, не знаешь сейчас, как упорно мы ищем тот глаз – на другом мудреце».

«После – только осень и погром светлой меры поиска в любви, где таится почерка огонь на одной особенной примете – впереди».

«Мысли не стонут о завтрашний день в супе от боли нечаянных фраз, только по дури касаются нас – на промежутках иллюзий на кухне».

«Ты меня рисовал, как идейный сюжет и немного в глазах заиграла та ночь, где желанием день передать ты хотел и порочности осень – за мнимым рассветом».

«Солидарности часть от другого в душе – беспокойно таит на конверте те ноги, забывая от прошлого знаки и нас, что укладывать можем на боли – приказ».

«Жёлтый день и очень много доводов к любви, солнце уклонилось в свод – навстречу слова, но из каждого окон стала мнить – мне судьбой плохая там – погода».

«Разнообразие в пище и разница в форме души, всё если кажется дивным, то только в позоре – смотрит наверх, приоткрыв эту форточку лжи, будто бы спали мы в мире – на личности море».

«Если бы кот был себе – дилетант, высмеял прошлый манер и застыл, то и тюфяк бы тогда был – не прочь, снова измерить от почерка – мир».

«Людам не видно от свойства души, где от закона закончился рай, где отложили мы времени лжи – плотное зарево дней и не дышим от слова такого».

«После остатка часов вышло время на раж – думать и мыслью кормить удивление в темя, после идейности смотрит на клоуна – фарс, будто бы думал пройти этим подлинно – время».

«Шорох в кустах и померк твой ментальный актёр, только прочёл удивление в низменном теле, властвуя в памяти мира, что был он на нём – будто достаток и польза людей».

«Задел свой чистый плот иллюзий и плывёшь по полю неизученного чуда, замаял тот воздух мании в плечах и сам не свой, чтоб в душу обмельчать – на заданном плато по перезвонам».

«Завтра – не будет итога под смерть, линии прошлого сгинут нам в поле слова идейного, чтоб подрасти в людях, которые бросили кости».

«Числами мир, словно мелкий актёр снова жонглирует в пользе вампира, снова снуёт и поэтому в нём – нет идеалов пути переливом».

«Чёрт сковал и череп и мораль, но горганный звук не жмёт тот плут, им ты выше чести, чтобы тут – чёрт не видел образ за тобой».

«А сонные тени по дням, точно ласки из нервной оскомины льются в

душе, а нами в пути управляют подсказки, что в смыслах вложил ты – за это же время».

«Без печали в степи одиночества стыло время на двоих внутри, стыло и загнул свой день – пророчество, чтобы появился третий в мире».

«Умирать не больно, но покой станет вечным – только в половину той своей особенной красы, где и ты лежишь у полосы – древней чаши мудрости в пустыне».

«Падаешь, как звёздный день внутри, прочишь формы мысленной бравады нам в душе, коль скоро не хотим жизни уговаривать – тот рай».

«Обращённая смертью, плохая примета – не нужна мне сегодня и в качестве света – я свою выбираю умильную душу, чтобы в мужестве больше – обиду не слушать».

«Пусть напорочили формами ныне – мне только синие – синие линии вдоль по периметру скользкого утра, но пробегу я сто метров – отсюда».

«Хорошие люди не любят всю правду, а только к плохому совету прислушавшись – снуют в обязательстве думать о чуде и словом в чутье – выяснять этим правду».

«Чёрный магнит на моём рукаве прочит внутри унижительный яд, то почему от болезни горят – многие падшие ангелы в тьму».

«Близкая нам наступает модель чувства из завтра, как будто бы мир стал необъятным и ветром – в чутье снов забывать бы плохие советы на сердце».

«Утренний мир, как и лжи поводыр станет тебе обещать, чтобы сам – ты распинался на жизни и ратовал мнительной робе, что прожил не зря».

«Честные в небе усы забори, честно имени в том повтори, что нет предела тебе этим в масть – думать о том, от чего не упасть».

«Вечером в том по ухмылке сержусь, многими в душу свою помыкаю сердцем зловонным, как будто клеймя жизнь на рутинах - по образу мира».

Цитаты на ночь:

«Зная стон рекордного ума ты спишь, вокруг твоя иллюзия и воля, где ищет цвет модели от неволи и слёзы пробуждают новый день».

«Краткий полдень встретил тишину, на луне из часа в том уснули - сумрачные ливни в полной темноте, на дождях, что открывают лунный афоризм из собственной души».

«Горит в постоянной истерике память, ей смысл обязует идти к человеку, из лени не мог ты оставить её – горящее пламя фортуны последнего рока».

«Думалось, что больше мира нет, чёрствый вечер честно говорил и стемнела роскошь нам вослед, что умом запомнила тот воздух».

«Кричит из пользы темноты всю свирель, пускает ниц предание из звука, но роет неприязни стол идей и тени тишиной уходят в то сознание».

«Сказанное в чувствах на любви – здесь одно фатального забвения, часто ли ходил скульптурой гениев, что не думал памятью ума, спрятанное в снах своей постели».

«Если ждёт свою гитарную игру – рок на пережитках воли говорить, будет в постоянстве лет грешить – он вопросом мира наяву».

«Устал изворотливый часом сомнения, за полночь упрятал фигуру тоски и мысли по тону любви музыкального уходят, как броские ветви оливы».

«Рад и будет на лице своём искать – путь по философской раме признанной, ценностью могилы в ней итогом ощущать – сон утопии и чести жизни».

«Если ждал – то видел спящий ветер, вечером он дует нам в окно и приходит миром новой встречи – ясность от культуры видеть сон Богов».

«Остановлен вещий сон напротив цели, верит словно к чуду говорит, что оставили увековечив мы на остатках символизма ночи».

«Готовое чувство ты встретишь на части, откуда фортуна глотает окно твоей незабвенной идеи предвидеть морали оценку мерцания дней из того».

«Шёлковый наряд за вечер спал как яд, новый образ разрядил свой верный прошлым говорящий цели ад, им на мысли падают подряд уникальные манеры за наряд».

«Небо готической кромкой потухнет, высмеяв словом манеру цены за онтологией новой войны, в том, что укромно ведёт прямо к цели».

«Спавший точным пережитком от вчера – он сегодня сносный Неба холод, за червлёной проседью уходит под водой, словно окружённой с головой мысленным притоком формы облака».

«Бег твоей наивной цели прямо видит к центру грёз – ночь из жизненного чувства быть ей ценным, как устройство мира перед жаждой новизны».

«Бог войны – он гордость в склоках форм морали, синкретичен позой лёд из тлена пустоты, где космические расстояния медали видели одни и те же форменные дали, за конечным словом мифа красоты».

«Простил за чёрный видимый рассвет одной тоски – культуру вечности, что готика скрывает, ей Небо вдохом гордость открывает, чтоб видеть утопичность слова за судьбой».

«Говоришь и будешь снова прав ждешь условие на мысли от судьбы, где оставил сносный ветер страха собственное жало красоты».

«Чёрный холст твоей фортуны светит прямо на плато из звёзд угрюмо, видели они пути напротив, где историю впитала маска смерти, быть ей ложью и одной потехой для себя, что чудо от сомнения и летать над миром заключения прямо между рамок от тоски».

«Горемычен сон усталой философии неволи, тяжело дремлет в старом замке слов и один за крепкой волей станет миру – символом притворства образа готического».

«Не подводи меня из сердца этой тьмы, где жалость укоряла сон вещей и свет осенний прямо у лица всё говорил, что думает о нас».

«Боль за сердце блага только видит – собственное жало в теле ночи и под тёмной кровлей сны разбудит, к нам причалив утопизмом ночи».

«Холод стал над рамкой у души, шепчет ей и снова отличает рай, он достоин верить в страхах жизни и молчать прискорбно о других».

«Знаешь тихий разум и идёшь, после мысли, ожидая время, за путеводителем им став – риском света над ночной иллюзией и страхом мира».

«Законодатель мучает и ждёт, ему спросило важное на судьбах, за это ли моралью сильно судит, что знает об упадке – наперёд?»

«Чёрный квант – не этот день, но прямое к смыслам ночи, в сложном чувстве славу прочит и фортуной к нам ведёт».

«Горький яд над бездной прошлых тварей – лучший взгляд к пути из слова внутрь, гложет землю, утоляя самость и червлённый день под страх ночной беды».

«Нечем думать стало нигилизму, страх ночного ужаса увёл к себе – личные пародии достать до этой бездны, где окажутся искусно в теле звёзды и кошмар потусторонней важности».

«Осыпайся и волей причины мечтай – не воздеть этот рай, не упасть за мечты, о которых ты сам упрещаешь теперь и отчётливой рамкой ворчишь из угла».

«Годовалый мнит свою мечту, делает ей козни врозь печали, ночью той увидев красоту в мысленной звезде, которую он сам не опечалит».

«Задетый шаг и рядом конвоир, ты слез со стула видимого ночью, бегущего предчувствия уйти по-одному, а выжить в том молчании предвосхищения и чуда».

«Надетый риск под противно войну – нелепый свист и подлость к чёрту свалкой всё здесь убрать в критичности вину, в чьей воле ставит ложь другую рамку».

«Нелегко убежать по ночному мосту, по релейной судьбе из под глав и столетий, только высится им неподвластная нам символизму печать исторической мысли».

«Образован замертво во тьму, снегом дух чинит и впалый ветер, тот ли ужас звал нас на войну, чтобы как во сне прочесть им жизни?»

«Говоришь и остаток в руках – твой отсчёт, не узнал им молчащие стены у ночи, где роднит символизму причалам над мастью -

поколение имени в целом роду».

«Под капризной войной разыграли беду и несут её воду ко дну, чтобы думая встать и от этой игры – утопичность на воле составить в ночи».

«Где не знал идеальный рассвет – ни тебя ни оливу в ночи, ты стоял как и утренний свет в темноте, окружённый внутри, сквозь могильные дали отнимающей ясности».

«Попробуй отдаляясь видеть свет, в своей ли пышной форме от ума, он так прекрасно излучает слово, что лунный день становится длинней».

«Посередине вложенной руки поставил на орех тоску, и как расколотый сюжет из глубины – ты тащишь форму от войны».

«Разъединив сюжет над формой были – ты ждёшь сугубой догмы разговор, с собой ли только на позор или остаться в этом времени?»

«Везде ночной разбросан сувенир и тычут кости юмором насквозь, когда ты сам проходишь нежность и обличаешь счастье в одиночестве Луны».

«Пусть в разговоре замолчали тени вечернего возраста, но также и замолчали прообразы смерти под ними, чтобы ты сам умирал ровной и спокойной надеждой на свою современность».

«Не знают вороны, где оставили свою надежду, чтобы молчать, а потом идти по суровой тропинке на запад и понимать, что уже поздний вечер в этом мире».

«Оставишь мне щепотку соли, чтобы я лучше заснула и в вечности успела приготовить немало вкусных пирогов».

«Забытое и млечное зеркало твоего мнения так гораздо сегодня обнимать мои плечи, что холод струится между поколениями нужного счастья в умах».

«Раскрасив поздний восторг Луна шла на убыль и тонкие ветры омывали студёное озеро потухшего мира идеала, тогда ты притронулся и стал невидимой зарёй на подножке новой личины сумрака в душе».

«Ещё не вылечил готическое счастье, а твой смиренный путь устал и корчится позади, быть может он был неясным и слабым звеном где-то между человеком и слитой природой в ночной тоске бытия этой жизни».

«Отозвав малые тени ты стал напротив разговора так быстро засыпать, что кошмары разбежались по улицам Парижа и стало невыносимо скучно жить этой пустотой».

«Везде бежит смелый зверёк ужаса мира и везде он заносит свой маловероятный симптом повторения смерти, но ты знаешь, что вечером ужас превратится в белый шар тоски и заметёт своей пылью все городские улицы мира».

«Очень долго ждать твоего сыпучего песка над расстоянием близкой смерти и жаждой определить её точный приход, но ты становишься мудрее, когда бал ещё не окончен, но ждёт нашего восторга вечерних переливов в душе».

«Сидим и пророчим на ночи подряд, что делом не вынули низостью взгляд за тонкой стеной предыстории мы, а просто пустили по новой слезу».

«Делом, словно мерили тот вой, уходя в постель иллюзий слов, а потом забыли этот рай в том, что нужно было бы прощать».

«Деревенский холм и свет вдали внутренне условят тень миров, словно мы простились и парим этой ночью в изобилии слов».

«Скелетной формы подлинность замрёт за ночью постоянной темноты, а ты струишься в облаке миров и ждёшь свой свет обратно – позади».

«Этот мир был не просто войной, а стратегией в час, что умрём за прохладной и новой стеной, но напишем на этом полёт».

«Обращение в звёздные сны мило тянет по пропуску в ряд, где затерян твой свет впереди о приятные формы для нас».

«Телом манит в вампирский ответ – это поле ночной тишины, в настоящем, где были иль нет мы тогда в осторожности долгой весны».

«Ты – не заяц внутри затерявшихся лет, просто умер и ночь по тебе не ушла, а затронула прошлые тени о мир, без которого старый ответ мне – вампир».

«Отличаешь от золота строгий ответ между рамкой искусства, забыв этим яд, но покорные совестью также воззрят твой притворный манер удивляться для мира».

«В небольшом захолустье близ странной реки мы купались и думали ночью, что слов обоюдное озеро в малой строке – утомляться искусством и быстро бежать».

«Белый благородству сувенир падает под ночь – судьбе задев новой формы лирику о вид, потому что светит точно сон».

«Разнимая свой сон о мораль – ты сегодня уложишь затем утомительный вереск проблем, чтобы жить от идейности мира».

«В пропасть падаем, что-то кричим за душой в основании черт и от этого просто молчим, где забыли тот фатум из звёзд».

«Не можешь ночью выключить мораль, а новый день не сладит череду спокойствия отбить себе за ту уловку счастья, может на беду».

«Незначай ограничен под лёд этой мыслью – твой медленный ветер, что по ночи восходит и глаз отражает за близостью в нас».

«По свечи, что устала гореть я предвижу твой смутный манер, где угодны мы стали в любви и поэтому делим молчание».

«Образ снова невинный, где жизнь не объявлена в прошлом, увы, но заметна по пропасти слов и грядёт отпущением смыслов».

«Укротив в безымянной поре новый воздух, что снова играл – ты запустишь тот шаг на заре, ну а ночью – всё тот же оскал».

«Неприятно не слаще мне мёд, просто ночь как идейности дань всё не тянет тот прошлый полёт, а снимает свой образ из лиц».

«Ты опять подошёл за тоской, где в сове этой ночью был сон, он почти отпустил городской, подопечный на мысли поклон».

«Между первой иллюзией два интереса, быть может, тебе – стали в личности ложной каймой, поставляя всю сущность ума».

«Где безбрежные воздухом пяди вылепляют свой формулы мир – там одни мы стояли и падали в сон пути красноречий за ним».

«Не умышленно просишь слезу быть сегодня – судьбой подороже, ну а завтра спасаешься свой, засыпая в том почерком лжи».

«Зебра в почерке страха настала и почти к равновесию холки -

мудрый пишет о том субъектив, что не хочешь ты видеть и сон».
«Словно Дарвин под мелкой приметой – разбиваешь в истошном
клочке серость мужества, как над поэтом – разливается ночь в уголке».
«Под твоей неприметной судьбой сам прошёл и нет слова нам
выпить, только душу корить по ночам, отвыкая от сущности бед».
«Мне луна стала новой приметой, заиграющей в ритм от гитары, мне
любовником смысла согрета – эта вдаль пустота, что не видно и лица
в той простительной маске, изучения времени в роли, где один ты
уходишь играть – на любви дурака».
«Пять цветов стыли в небе под воздух, пять ответов над палубой в
чувствах ты нашёл в этом воздухе сам, чтобы думать о ночи в искусствах».
«Здесь ли – нет места тебе укорять подлинный вид, от которого боли
– стали единством и тешат подряд маленький шар от угла?»
«Мерседес, как по каторге мчит за кордон одиночества выиграть
пулю и он – снова вылит на чёрном твоём волокне, иллюзорности
думать сегодня и мне».
«Пышет природой твой дух по любви, точно узнает, где было в нём
солнце, где словно ночью простились мосты вдаль утопающей
старости – впрочем».
«Сон, как идейная маска наутро – станет тебе в безымянности лгать,
думая завтра о новых минутах, чтобы оттуда серьёзно – припасть».
«Друг или тёмный манер за рукой – трогает формулу в дрёме от
чувства, будто ты стал идеалом немого, тонкого рода от ночи – такой».
«Зрелости шар понемногу спадает, вслед открывая свой мир и -
дорогу, к обществу чумной идеи, где сам ночь свою томно в душе
положил».
«Почему ты не ищешь тот звук на строке, словно дух объяснения
ночи в пространстве, ведь его не поймать, только кальки в слезе -
понимают тот рок утоления чванства?»
«Медленный шар нам из завтра – причина, словно ведёт, как
изгнанник судьбы в тесное общество, где без ответа ты полюбил
своё солнце – поэта».
«Мужеству прочит внутри разделённый мир удручения в топи
пронзённой гадости личной приметы, что рад – ты, словно в ночи
играть в дурака».
«Памятью тёмных ответов спросила женщина утро и снова сама -
стала больна в этом мифе, как сила полной инерции в капле вина».
«Видимый шаг, точно берег из строгой, видимой точности – ждёт
между нами, как на пародии в ночи глубокой, заданной области
входа – в порок».
«Догадка – между личностью и мной скатилась по ступеням дурака,
а ты бежишь в Америку, пока – не знаешь символичности от скуки».
«Небо внутри помертвело и стонет, небо в глазах объективностью
клонит – в дар обнаруженной волей приметой, чтобы уснуть на итоге
– в мозгах».
«Детский и очень небрежный поток снова сказал, что нет мира на
суше, что одиночество намертво лжи – сном укоряет такие ножи».
«Спишь и не знаешь, как будто сова в эхо внутри упирается гулко,
скромно пыхтит, чтобы времени зла нам говорить об обидах – на ухо».

«Какое небо в сутолоке пользы из недр одновременной красоты, какие звёзды слов бушуют в толках, что видно аллегорией – пути, их нет, но сном заволочла тревога и ночь идёт тебе внутри – подмогой». «Помоги себе сам и нечаянно выше – ты стоишь и не веришь, что стал дураком, ты почти удивление снял на потерях и провёл эту ночь – словно волком».

«Дверь осторожностью скрипнула в мысли, полной луне всё не веря и точке, за поворотом которой открыла ночь – эту буйственной яви о прошлом».

«Близит блаженство немого укора – круг, по которому видим мы снова краски у осени в памяти лишь – ты мне над ночью опять постоишь».

«Вороны в цвете кружатся и реют, там, понимая, что в сущности двери мы закрываем и стало немного – здесь хорошо от уютности Бога».

«Разные воле штрихи от потуги ты закрываешь глазами – на друге, но из-за тонкого sklepa не знаешь, что по другой стороне ты – летаешь».

«Снова характер и вид между солнцем тучи запрятали в мерном зеркале, где потемнело и стали мы сами – в точь субъективными жить небесами».

«Славой бежит твой вопрос по коленям, верит, что прошлому стал ты – не ленью, но засыпая – усыпал свой возраст медленной сущностью жизни и тени».

«Серой обложкой в витринах Европы стало немного удобнее слову – спать между жизнью и счастьем, поскольку – ты одиночеством в этом прощаешься».

«Вой из капризного сердца на моде – ждёт эту важную пыль на дороге, где по ночной автостраде бежит – юмор за гангстером в цвете души».

«Мир материнства, что ночь на исходе, будто внутри укрываются скорби, чтобы воспрять и наверное в людях – стать идеалами в час от страданий».

«Памятью вылеплен белый источник в небе тоски, что на каждой из ночи – видишь в глазах в небе полного чувства к бледной луне, успокоив искусство».

«Хочешь готический квант передать мне, но из проблемы не лучшего счастья – будто в душе запросились там люди, чтобы в глазах одиночеством – мчаться».

«Словно немецкое кружево в мысли сном замирает и стало – невнятно жить идеалами в будущем, только – нам пролагают судьбу без итога».

«Счастье капризное в движимой воле станет тебе – управлением роли, где из пути человека не веришь в то, что сегодня заснёшь на постели».

«Ночью нет мыслей плохих, а погода – стала в душе, как покойная мода, снова готической в маске уюта – ждать и не слышать искусственно утро».

«Над отношением в ночи та маска – близит из вечности долгого фарса меч в одинокой проблеме, что жил ты для искусства, а может – упрёка?»

«Русскому сладко поспать было мало, в русской примете ужалось

пространство, чтобы блюсти этот рок на свободе, там ожидая предание в моде».

«Снова в медвежьей тужурке за прошлым, снова в душе ты белеешь от смыслов, где под обещанным носишь ты – осень в снах повседневности, как на невесте».

«Между тобой и прощанием в стиле – стал ты блюсти свой ответ, что прононс между идейностью русской обиды и повторением счастья – о разум».

«В друге вокруг воплотилась та строчка, вылепив мир одиночества в прошлом, но беспокойно от ночи сегодня, бродят за цирком медведи – и просят».

«Притча, в которой влюбились мы плавно – стала душой на растерянном завтра и понемногу поняв этот праздник – ты ощущаешь и моду в пространстве».

«Важной, готической проседью сняли ветры в пути твой ответ – между нами и над посыльным мы письма несём, чтобы забыть этот общества – дом».

«Снова культура по ночи мне явно – душу пророчит и вылезет к славе, словно медведь из затерянной маски – стал объективностью духа в подсказке».

«Русскому стал ты ответом и в праве хочешь узнать за особенной манией снов – между прошлым и чудом под толки, где мы опять распинаем – те холки».

«Может гитара так стала влюблённой, может в душе ты ей пищу заставил – жизнью отдать повседневности слов, где укоряешь ту форму – морали».

«Нет у ночи плохой полосы, только снятся кошмары под странный объективности жизни предел – быть сегодня немного в ответе за сердцем».

«Духом политики спишь ты сегодня, духом уснул и по завтрашней речи, где-то в отсылках на долгом потоке мужества русского – видеть тот мир».

«За желтизной фонарей и от кучи мира страданий – мы ждём эту кальку, в судьбах кручёной и форменной ночи, точно опять веселиться не против».

«Нет алкоголя мне в мире прекрасней, чем утолять эту жажду от ночи, вдумавшись к низменной глыбе морали, что идиотом там ясно и плотно».

«За эпитафией сам выбираешь, где тебе может от смыслов дороже спать, не спадая от форменной кожи в ритм многомерной коллизии – ночью».

«Дров не рубил, не стропилами в воздух ты закрываешь мне солнечный фатум, чтобы от ночи искать – этот поздний мир совершенства и опытом звать там».

«Между искусством ты спишь и не знаешь, что идеалом ты в форму рожаешь мысленный Бог из подручной приметы – ждать этим фатумом где-то».

«Чёрные ночи, как в духе арабском спят, покрывая мне дух многослойный, чтобы и завтра там стало мне рано – к жизни чутьё,

образумившись в стать».

«Раны на сердце, что ночи примета, здесь под итогом снуют для поэта, взяв этот мир и кусочек тепла, где открываешь ты день – от утра».

«Поздно уже понимать, что ты русский, стало для снов непомерно большое – данностью общество, жить и прощаться в смыслах культуры за этим пространством».

«Если бы ад мне не принял ту форму – то, словно ночь я б его рисовала в измененной позе и между причала душ одиноких, замыслив так осень».

«Почерком снова ты ночь перенял, в дух современности жизнью пленял жар многолетний от дрожи в руках, чтобы угрюмостью ждать там – меня».

«Люди от скуки садятся в том ночью в дар привилегии собранной чести – видеть свою утомлённую позу между маразмом и образом личности».

«Чтобы ты сам восхвалял небом сон – встань и притронься от чувства к нему, словно от жажды ты встретил весну к личности, падая под пустоту».

«Сны для Европы, что в точности звери – падают в право на теле последними, падают в чёрном своём одеянии и не узнают о форме - в тоске».

«Опыт из страха ночного за нами нежно крадётся и стих обнимает, где ты под зверем и манией помнишь, что отыскал упреждение – знанию».

«Стилем короткой строки по абзацу верность свою соизволит обнять – долгий вампир, точно в ночи пространство, где ты из глаз понимаешь им мир».

«Мир на монете и ночь без итога – в каждую душу крадутся, как чайки в слипшейся важности встретить от толка – твой современный манер и ответы».

«Русский не спит, но играет на кости, в том убеждая соперников в масти, что одиночество будто бы роли там для него – утоление в страсти».

«Опять исчез под ролью большинства и ночь – твоя примета между нами, где сызнава ты ищешь речь словца и тянешь дух российский - в стороне».

«Ветер для русского ночью не греет, но на конце принесёт и удачу в пользе от ревности, будто бы раньше было спокойнее в качестве - мира».

«Успокой свою душу и мерно поспи, пусть тебе необычностью встретят те рамки – путь земной, от которого дух позади, а играет в душе только ритм – музыкально».

«Нет мне от места удобнее в ночи, чем распрощаться из древности в точке – мира в себе уязвлённого, будто – я за собой в том играю от чувства».

«Сон мне английский не снится, нет смерти выждать от потуги в каждом там сердце, что понарошку из кладези высмеял – ты только день и печали в конце».

«Франция в полной луне между планкой выше и выше, но ждёт в этом странный мир от невольника в новой нам – скуке, где за бесчестностью странно в разлуке».

«Только ли миру почёт ты оставил, ждал своё сердце у ночи
бескрайней, где и объём предрассудков не спит, думает жизнью
корить – этот вид?»

«Лебеди в чистой оправе из толков снова плывут по бескрайнему
северу, снова уносят там вымыслом – рок, чтобы и русский родился
пророк».

«Смыслом бескрайней, песчаной затеи стал в безграничности видеть
ты тени, но от избытка и в поле несчастном – спишь, только ратуя
время за нами».

«Не приходи от разницы в печали, но ветром дуй свой маленький
пророк, чтоб мы опять внутри не одичали, но стали к смерти
мужеством на жизни».

«К привиранию близит то счастье день земной и в руках человека -
на монетное плачет в том чувство дух посредственный, чтоб
обещать нам покой».

«Бой идёт, но уж нет никого, только совы под звук благородства
воспевают от мысли свой рок и плачевности душу – из грёз».

«На ночном перелёте ты ранил мне в душе свой последний
источник, будто в разнице мысли мы сами – стали новым внутри
перелётом».

«Не потерял ты волю в гласном сне, а только умер в правилах, чтоб
жить на свете белом в принципах – людей».

«Опять не увидишь ты зарево в чёрном, своём поимённом культурой
взрослении, но станешь сегодня ты мужеством новым, чтоб стилем
любви собирать этот ад».

«Для ночного пера – суть глуха и тонка, точно ноты искра под
неведомой плотью, верит в прошлом, что сам ты поладил из лет на
эпиграфе черт – с посторонним пространством».

«Глухарь и летний почерк между нас, что может быть ещё
прекрасней в судьбах, когда идёшь ты думать, что погас тот луч в
тоске от солнца перед днём?»

«Где горит твой фонарь от души, там идёт по модерну и пламя этой
ночью, чтоб видеть свой мир и тащить этим эхо наверх».

«В городском подземелье царя слышит воздух плохую примету, но и
птицы летают, коря, что нет вымысла в этой поре».

«За двором на конце ноября ты прочтёшь мне сонет между осенью и
покинувший холст от души – будет следующей ночью от нас».

«За собой ты почти заглушил сигарету из прошлого образа, где
сбиваются в ливни под крик – только стаи превратностей в сумме ночей».

«Очень долго ты думаешь, чтобы возник твой случайности шарм в
голове, но не носишь ты шляпу, а просто парик, где нелепей ты сам
и манеры лица – не сбиваются в гущу твоих новостей».

«Самым прошлым ты ждал, что за чёрной стеной мне не будет
противнее выключить ад, но спадает от ночи тот свет, что несёт
обстоятельство прошлого, будто бы взгляд».

«На сову ты похож и ушастый, как стиль твой манер идеалов -
убеждать этот мир, принимать мне поклон, где на каждом шагу
будоражат иллюзии ночи – под вьюгу».

«Снежный ком в голове на земной параллели ища – ты не ходишь

под мыслью своей, утопая под звук идеальности ночи, что куда-то девались там два наконечника плотной оскомины прошлых сердец». «Бумажный бум на толщей кипы книг и строит Вавилон под стражей вдоль глазниц – твой мир теней, когда бы встретил ночь ты в них одних и смог бы мне – помочь».

«Где у ночи по оси Вселенной не крутит та тень, распинаясь и кланяясь в обществе – сложную спину, там пройдем мы в душе, как по срезу из странной беды и над ночью поставим свой круг - идеального сердца».

«Если ты не крут, а ночь длинна – вылей сотни правил в стержень зол, вслед за правом вымершим, где два мира провожают – свой позор».

«Идеалами светишь в ночи – точно филин и касаешься формы у носа за смерть, но при этой любви обоюдной картины – ты ведёшь свой источник под роль идиота».

«Я бы прошла между ночью по зеркалу, вылепив старый момент, как и явь, я бы спустила на том – формой множества долгие тени от сердца, за древность держась».

«Мне нет смысла прогуляться ночью, след моей тоски завыл в причине, что не будет обществом там днём – это измерение хранить, себе умом».

«Питер прочит слой ночи и нервно мотает за своей непокорной судьбой – головы, чтобы видеть от будущих сердцу медалей – только путь идеальности, где повезёт».

«Опровержение и часть внутри морали мне вынесли на суд - противный оземь, искусственный проток, откуда знали – мы форму соблезнования в нём».

«За Москвой только ночи не прочат мне сегодня тот дух современности, может стало там спать так ровно, что блуждают медведи под скромный – путь надёжности, чтоб передать».

«Смотрит медному озеру в полночь мир самобытный и что-то читает, встретив свой сумрак на мысленной крыше, словно бы кот этот дух не узнает».

«Где нет места тебе выбирать свою жизнь, словно ночью пройти необузданный путь – ты вернись от предчувствия словом назад и закрой этим телом пути, не почувствуя».

«На мокром следу между звёздной причиной мне мало тоски, где померкло упорно твоё красноречие, будто бы вышло тем миром в судьбе – зло в ночной перспективе».

«Между поводом быть мне артистом и проторенной волей над ночью – ты летаешь, чтоб падать от смысла между обществом, двигая совесть».

«Размер между качеством жизни не прост, но ночью крадётся от ужаса хвост и мыслью своей дребезжит по нутру, чтоб видеть плохую погоду к утру».

«Череп мужества в вымыслах рока мне предстал в удивлении ровно для искусства по ночи, как знаю этот путь удивления – сном человека».

«Прямо ли, косвенно в мысли играет почерка странная медь – от придинок, к лучшему ужасу в том понимает, что мы не вышли для ночи там мило».

«За человеческой кожей нет срока, злая судьба вертит подлинник в чувствах и, словно ночью так станет – пророком, вдаль посмотревшим иллюзию – мира».

«Вечность дублирует мании в людях между свободой и верностью выше, чтобы искать этим ночь, где угодны мы поневоле грустить - от придинок».

«Русскому вторит та верности маска, что необычно за ночью мне видно гордый ответ быть в душе человеком и по судьбе там не плакать – за веком».

«Право не носит укора стремление, правом не нужно искать проявление в ночи искусства, как будто бы филины сняли тебе звон свободный и вывели».

«Держишь за роскошью малое время, держишь и сам там не знаешь, чтоб стыло в ночь одиночество в каждой руке, чтобы искать на втором потолке».

«Путь от предания снимет ту маску, даль мироздания выстроит глазки в путь от надежды, что сон мне приятен между любовью и временем – в хвате».

«Ещё пустил слезу под русскую берёзу, а ночью сон укроет день земной – твой вечности манер, как будто бы без правил ты сам себе и страхом пережил – весь этот мир».

«Над желанием общества встали мне путы, но в ночной тишине из пути ниоткуда слышит разницы полная в сущности лун – мне сегодня погода играть свысока».

«Между женской и лунной природой ты снова – видишь общества маску и риски, откуда знать не можешь условие времени – будто стало ветром твоё откровение в чувствах».

«Чёрный ворон уселся в подножии рока и виляет хвостом по судьбе одиноко, чтобы плыть за Вселенной у праздного горя, где горит слабо мыслью – тот солнца пожар».

«Минуты пищут в точности на масках, что ночью ты остался в мере славный, такой наивный в мудрости, что слышно, как воздух переполнился пространством».

«Музыка вновь поиграет на чёрном, верном твоём полотне, где бы слово видимой ясности в ночи упрёков – стало блюсти одиночество в жизни».

«Монолитная грань от рождения в ночи – стонет в позе людской, что сегодня не против жить фатальностью позы главенства и маять удивление близкое, будто бы память».

«У ночи вылит в золотой оправе и странный вид напоминает в чувствах – сегодня ветхий мир на пережитках, что ты один остался там, как ворон».

«Почему ты не льёшь эту солнца осеннюю пыль веков, затворяя свой изменный почерк, ведь тебе для ночной пустоты не просили мы – жить и звать единение в разнице силою?»

«Если дурак мне не может покоем вызнать за притчей скупое в раздолье – значит и я не могу этим ночью знать обезумевший вид одиночества».

«Маски сброшены в маленькой линии, путы спрошены жить по

оставленной идеальности заданной памяти, чтобы русскому в старости верить – в ночи».

«За другой постановкой исчезла нам смерть, но стоит этим ночью и губами прядёт идеальную встречу от сумерек почерком, будто высмотрел взглядом природы – ничьей».

«На тебе не рубаха, не солнца тесьма, на тебе долгожданные проводы ночи, за которой ты ждёшь свой ответ над бедой, повторяя свой дух идеалами прошлыми».

«Давно приметил ад наедине и скоба в сто частей понятна мне, что гвоздь доселе вбитый в середину – искусственного утра на окне».

«Ты не голый, но сам одолел боли мира и этим созрел здесь идти по сердцам – вслед за чувством, что у ночи души идеалы совьёт».

«Прямо иль тихо ты вышел из дома, точно упорный актёр и привычка думать из чистого – чистого лона, что на грязи ты не будешь – отмычкой».

«Право мне советует, как только жизни ты отдал вторую мину – там отдать и третью, чтобы звонко шла пожаром ночь по переливу».

«Если воин в ночи не такой и плохой – то от чувства ты ждёшь построение в личном, неприметном сюжете, что можешь рукой ты достать до небес, опуская им ветер».

«Лунный дух снабдил меня погодой, чтобы лучше видеть в дар земли, чтобы идеалами от моды стать серьёзней – прямо до зари».

«Где змея показала клыки на природе – там истошный ты страх пережил и вопишь, что сегодня не будешь искусством на моде, так прилежно в ночной темноте повторять – этот стих».

«Безумию рука сказала прямо в спину, что город спит в огне и между ровных дней – нет места привыкать сюжетом воедино, вести тот ужас глаз – напротив смерти в нас».

«Слепок на маске, как дух африканский в чистой низине из медленных бед тонко укроет ту впадину жаркой, будто уснул ты внутри для поэта».

«Мне во французском кабаре искали много лиц – немые толки, а ты всё множил обществом иголки, чтоб к бару среди ночи подойти».

«За здоровье мы пили в сто свечей и также отмечали в поле гулком, но ночь прошла, а в качестве речей – не стал мне мир убогим промежутком».

«Где стена переходит за призраком мира, подпоясанным в нижней камерке вещей – там поэт разобрал идеалами мины и стоит среди ночи, притронувшись к ней».

«Заметил на заре ты крокодила и стало так тепло в душе индейской, что форма субъективности пропала – искать тот свет от ночи на ногах».

«Пришелец из мнительной формы огня, за что ты сегодня не любишь меня, за право иль толки внутри от людей, что низменной ночи не видел своей?»

«Пить ли чай мне по-английски ровень с мутной формой идеалов сна или жизни дать ещё таблетку в капельке строптивного вина?»

«Поступаешь, как знаешь и тень не твоя в европейской равнине свидетельства мира, где за гиблые толки жуёт не твоя – просвещения стёртая грань – нам карнизы».

«Много могут в жизни Короли и отдать тебе вопрос для мины, и отпрянуть в форме злой беды, где и ночь такая же, как ты».

«Зря ты прячешь свой свёрток внутри от любви, нам под чёрной медалью из времени черт, что не знали мы будущий мир от ответа - над Россией одной по судьбе провести».

«Вдаль гарцует всадник между ночью, пыль копыт он поровняет с миром и один внутри душе не против – узнавать свой час по переливу».

«Зайцы в поле и синие – синие ночи мне пророчили в зиму той крайней деталью, ну а ты расправлял этой влажности после идеальные ноты под сложной – моралью».

«Пусть внутри не пустили тебя бы на бал, но путём однородного часа не схожи мы, как глупые дети, что видят дороже эту ночь в беспробудной извилине черт».

«Много дней у Европы и также ей близко жить в тоске от спустившихся вдоволь ночей, что безграмотный рыцарь в пути обелисков может вынуть свой мир – подороже речей».

«Словом видишь оттепель на суше, а над морем стая белых птиц, все они от ночи в такт прибились – выяснить кто время встретил в них».

«Задавая вопросы из нежности боли ты уснёшь мне на коже и будешь доволен, что условишь свой труд одинаковой ниши, где уже никого от чутья – не услышишь».

«Прямо к толкам скажет мне природа, что мужской сюжет не видел спину, мне одной поодаль ночью – только, я ищу свой свет от половины».

«Утром ли скажет вопросами мир, что ненадёжный им правит актёр, но пережиток тот будет во сне – словно условие в древности сил».

«Не врагом ты мне кажешься, просто тупой и один остаёшься блуждать за судьбой, что несчастье не к каждому взгляду опять - понимает ту ночь из-за глаз за тобой».

«Мне под ношу души нет пристрастия мстить, непокорностью бредить и вызнать укор, а потом, что по ночи искать бы мотив, чтобы в каждую рожу за именем – выпить».

«Недалёкий и пылкий роман для двоих стоит больше, чем денежный в сумме мешок, но за ночью откроет ларец этот мир и один ты останешься – видеть там толще».

«Будешь любовью искать сувенир в каждой, опрятной своей сердцевине, что за пристрастием в ночи горит – гордый фонарь и о том говорит».

«Блуждание в лице харизмы русских лет несметно руководствуется в жизни, где ждёт свои года и пищу черт, которые там носит, сняв под ночью».

«Перемена руля от другой тишины, что, быть может, меня не спросили, а только взглядом подлинной ночи условили взять укрощение качества жизни – за прошлым».

«Не медаль мне корит путь земли от людей, но о том говорит ночь скупая, что против жизни дать современный на сне – сувенир, чтобы вылечить общество это – утопией».

«Обзор в душе за деревянной тьмой неслышно сердцем протащил тюрьму, в другое тело с краешка Вселенной, чтоб вспомнить идеальности вину».

«Человек не без горя приходит к ответу между прошлым в квартире своей, что одет или помнит тот ужас на чёрном портрете идеальности ночи, забыв силуэт».

«Форма философской суеты жмёт сегодня душу в половину сердца телом зрелым, чтоб ты стал ему, как птица и маяк».

«Задаёшь мне вопросы о прошлом и сны – постоянные спутники в космосе плотном, чтобы время настроило тени в черты идеальной приметы движения – прошлого».

«Между ложью в сказанном раю стыл твой день и сон – на перерывах, чтобы смелый воин на краю знал бы тот отчаяния – след».

«Стол из важной зрелости в душе льёт свои строптивые приметы, тонет в обличении добра, но от ночи форму узнаёт».

«В каждой степени мира в фортуне стынет власти прямая седина, но горит из пристрастия в людях – только ночь на канате из мира».

«В этом был ты быком и направил свой клык на судьбу первозданной истории в миг, а потом прочитал ей строптивые сны, чтобы видеть людей и немного весны».

«Задавай вопросы к одному лишь счастьем между сном и серединой смелости, что сам себе не шут, но гордишься пользой – для людей».

«Фраер на английской тишине, как неловко думаешь ты мне, что отвёл бы душу в призраке путём мира необъятного, что много мы живём».

«Из писателя вышла слепая струна и направила в точности мира – свой рай, что немного там можешь ты ждать и её обнищавшее к слову, притворное – правило».

«Командир на готовом плато для двоих, что же ночи наделали в розыск идей, что теперь ты отчаялся жить, будто псих стал ты верить о подлинной маске – двоих?»

«Бездна земная под смыслом причины ищет свой страх постороннего чуда, но не вопит там вампир, где от чувства – вылеплен мир и поэтому чует он».

«Близко от странной приметы видна ровная гладь идиомы Вселенной, ночью, что стала тебе белизна – зыбкой пучиной и волей надменной».

«Немецкий круг вещей не одинок, но тянет в безысходности пророк, диктуя форму сердца на поминках, что был когда-то груб и недалёк».

«Памятью пришлый сосед между нами – ставит сегодня свой собственный праздник, в чёрном одет и не верит от чуда – в сказки притворного общества мудро».

«Забытьё и бледный миф, как тот актёр – спадают вдоль марионеток слов, но ветер крышу не срывает вдаль усилия, что видим мы – любовь».

«Пусть постиг ты реальности подлую нить, но исчезнув на смерти не можешь привить тонкой нитью – ту ночь обывательских черт, в настроении мира, откуда смотреть».

«Ложь ночью своё расстелю и пойму, что уже никого я тогда не люблю, но ловлю этим маленькой формы ответ, что уже от реальности встретила свет».

«Роскошь русской приметы – под стать и радеет от зрелости смысл на окне, по которому стали мы жить и летать, чтобы птицы смотрели

нам в окна – вослед».

«За мечом не пойдёшь ты по русской земле, но кричишь
обязательству в прошлом – о нас, что не можем мы грезить о
собственных снах, но любовь на поклоне – для лет передать».

«Резиновый свет для ночной перспективы мне множит края от
беззубой причины, что в русском ответе нет страха и жизнь – рассеет
пристрастие в светлом окне».

«Быть ли балериной в поле мне или сном лететь от перекатов -
жизни строгой и о том богатой, что ложится ночь судьбой на мне?»

«Друзьями не становятся от сказки, но воют в ночи странные шаги,
что эхо постороннего внутри, как будто упростил свой эго – мир».

«Древнерусской привычкой искать эту смерть – я боюсь посмотреть
мне назад и под крайнее озеро в вольности слов, принимая всю
форму от ночи – бежать».

«Как запряг коней от духа в грусти – ты уснёшь и станешь жить
напрасно, но горит огонь внутри – на розни, чтобы убивать на том
пространство».

«Если мир – не могила, а почерк от строчки и гнетёт идеальности
вымысел к лучшему – ты проснёшься из осени, вымершим точно на
одной параллели любви по агонии».

«Сердце душевное в мире строптиво не ждёт, сердце жадное в
прошлом усилие манит, сколько дум ты вложил, покоряя расчёт, что
другому в себе ты с противником – ладил?»

«Противоречие на дне святой судьбы – ещё немного повторит
взросление, а может быть исчезнет для весны и долго взбудоражит
объяснение».

«Поэт не льнёт к пропитанной игре из недр самозабвенной темноты,
поэтом можно просто притвориться, чтоб думать о реальности «на ты».

«Сохранишь свой подземный в душе разговор, а потом на чутье ты
восходишь к морали между ночью чужой, что один в пустоте и в
нелёгкой студёности – гроба за нами».

«Множит мир на французский манер дурака, чтобы линия в
будущем – точно строка расставляла бы волю идейную порознь и
дружила под ветхостью – возле катка».

«Гром среди неба и мир необычный свет над твоей головой всё не
спросят, где бы ты ждал эту ночь от привычки, где постороннему
сердцу – воспрял бы?»

«На сеновале прямо было тихо, а мир метал копьё из нежной ткани,
что вечностью в глазах он сам запрягал и в жизни идеалом – между
нами».

«Деревенское озеро в мыслях из звёзд прочит дух возрастающий в
образе счастья, чтобы русскому сердцу играть на уме в поворотное
смыслом – творение».

«Спички сам ты не бросишь в протоке из лет, но научишь искать
иллюзорности свет – мне не в душу, а в слове – прочтённый манер,
что у ночи он стал безответностью утра».

«Европейское чувство над жаждой из слов небывалому обществу
ищет сатиру, но ещё ты в душе покорять не готов – этот мрак
поколения в гордости чтива».

«Для проблем ты внутри напорочил беду и посмотришь на воду, глотая венец этой ночью пустой, что заранее снял идеальности прошлое – там на коне».

«Важный гриф летает в сумме мнений, просит дать безумию корону, но в пустое смыслом ожерелье там он видит – чернотой воду».

«Мне нет смысла внутри умирать, только видеть в душе эту позу больную, чтобы выть от полёта ночного пера и струиться по русскому ветру – с утра».

«Запираешь ты внутри за скважиной ночной – тела безыдейный пережиток, что прочёл свой цвет и возраст, думая скупое – счастье построения обыденного дня».

«Не чувствуешь ты боли от убийства, но тело тлеет в пустоте простого, доселе разговора в спящих снах, что был ты укротителем – ножей».

«Здесь не бывает исходной приметы, тают за мыслями зайчики в пользах, чтобы под лунной свободой поэтов – видеть свой личный манер на причале».

«Воздух морской ошарашил из бездны – тающей в прихвостнях жилы свободы, но просыпаясь ты видел от моды – в этой воде, только времени – жизни».

«Капитан на прощальном плато для двоих, ты несчастен и может за здоровьем плотно – ты не умер, но гложешь свой страх будто спишь, понимая нам ветер на холках уродства».

«Объявил мне войну и нет смерти в окне, но горит постовой на приглядной привычке безоружного думать, что в такой же войне душу сам сбережёт и не станет страдать».

«Личинка во сне новоявленной дрожи – ты думаешь в умственной памяти ложно, горишь обстоятельством к мифу прискорбно, чтоб дух человеческий плавил – свободу».

«Ещё умильней там журчал ручей и снились мельком прожитые грани – моей любви французской, где успел назвать в том эпитафии – перо».

«Содрогнулась на жизни прямая слеза и в душе на семейном портрете нет смысла – мне бежать, чтобы думать, что жизнь – решето по прикормленной важности общества этого».

«Для любви ещё фантастику найду, буду ждать твой юмор необычный, а потом приму свою вину – будто ветер памяти в глазах».

«Постороннему вдохом в постели не видно, что гортань, напрягаясь усилит твой миф и один недостаток в прокрученной линии – станет болью коварности всё замечать».

«По игре сексуальной мне ветер в помаду душит стойкие формы обрезанной линии, что когда-то я в красной черте переняла – свой достаточный вес, чтобы думать отныне».

«После множества бескрайних берегов стынет прошлым веером Москва и не знает, где куёт любовь мой ответ ночной – на перемене».

«Питер тонет в обычных цветах и касаются в личностях слёзы – мой особенный возраста страх, чтобы душу к тоске передать перед сном».

«Напрасно туго думаешь, что я пришла в свою любовь и дотемна сегодня буду говорить на шанс – твоей фортуны, упрекая мир».

«За безгласной моралью нет скупого окна, но очерчены вишни все в звёздах на долгую осень, ей тебе не приснится тот дом и бокалом вина – ты не выльешь потёртый пиджак, не заправленный гостем».

«Всё дряхлее в жизни стала тьма, но у ночи говорит та мина, что дозорней нам внутри – вина, будто бы простила в том харизму».

«За троллейбусом мило бежишь и впотымах ты не ждёшь этой ночи в проталине мира, только пальцами клацаешь в мысленный дождь, чтобы стал он дороже зонта».

«Мне в душе золотое пришло бытие и несчастье от ночи коснулось проворно – ту реальности гордую нить в «никого», что уже там не видно и пустоши вора».

«Над феей по французскому чутью ты вышел в этом сне и передумал – играть со мною в гольф, когда бы стук в твоей примете головы – тот шар не вынул».

«Беззаботное детство в Европе под всей нам агонией жадности в чреве рядит – уплотнение формы рождения в стиль, исчезающей верности в чёрный магнит».

«Белые голуби в низменном пламени стали на том открывать мне стекло, белому острову, чтобы не ранили мне – эту сущность бежать – под нутром».

«Рассуждая о долгой проблеме горишь – точно век и потерянный вектор из блага, чтобы жизни ответить, что там повторит твой актёр – приземление сущности Бога».

«Мне не жалко терять это время в ночи, на угаре из тысячей форм многолюдных, только высмеял словом ты прошлое – в них, будто жил человеком на собственном дне».

«Разум затуманил свежий флирт и расстались к прошлому – портреты, милой воли женщины с чутьём, только побледнев сегодня днём».

«Жизнь из вдоха сумерек не спросит, где ты шёл за изгородью лет, думая принять судьбы обет, но опять наткнулся словом – в осень».

«Чёрный дух, как малая тетрадь мне сегодня думает о прошлом, выключив спонтанный день и страсть – по приливу древности на числах».

«Пудобнее сядь и заправь этим слог между множеством мыслей – из личности строк, чтобы думал твой мир о таком дураке, что не может узнать он о каждой – строке».

«Пишешь ли ночью, но падает время в новый торшер обязательства жизни, словно не знает – куда в поколении свойство принять от безудержной маски любви».

«Юмор нами правил в каждой ночи и просил свой дом от той химеры, юмор в праве жизни озадачил свой степенный мании – надзор».

«Точно дед и куда-то прошли обращённые ветры в подоле – этой формы скабрёзности ночи и стаяли вверх, точно маленькой формы убогие, гневные розни, где не любишь ты жизни проказу, а только молчишь».

«Шоу из маленькой песни не вторит прошлой системе твоих притязаний, шоу – под мысленный воск там уходит, чтобы вокруг обернуться – ночами».

«Спал и видел сплошь пустое чрево в спянном плато на дне»

прогресса, что неловко думать мне за день – всю свою готовой рамки душу».

«Где внутри безопасность уносит прогресс от печали покровы помутневшего – рока, там отчаяние видит тот разницы шанс, что прошёл ты убогий причал – до востока».

«Мне бы ворона в каждой руке между счастьем и такой же объёмистый стиль наготове, где под редкой приметой от страха общаться, чтобы ждать на готическом теле – пространство».

«Мыс судьбы не встретил, но упал на свои черты от странной воли, будто слышит тетерева в аду – ту твою проблему и болит».

«Птичка на мании долгого рока, где ты свою обнажила судьбу, где от устройства души понемногу стала спокойнее в праве – ко сну?»

«Не моё одеяло мне прочит судьбу, не моей головой закрывает пространство – этот дух современности, чтобы ещё упрекать тот отживший в пути проводник».

«Небо не сразу вернёт этот рай, может в ночи постоит и воспрянет в жизни обученной, будто твоей маской судьбы – там лицо переставит».

«Формальность врага мне нелётной порой ты внутрь приготовил, чтоб жизни отдать любви обстоятельство, может такой, а может под ночью и мысли – плохой».

«Где вопросы не множат участников бед – ты идёшь и в ночной тишине не одет, но влачится та притча под совесть ножа, что готов обернуть под прикрытием крыл».

«Подмостил и от нервности гложешь педаль всей своей теоремы, что может не дали – там тебе эту сущность от мира глодать идеальное прошлое, чтобы отдать».

«Из верной среды современности жалко мне словом тебя, но горит этот ад и зыбкие пламени части подряд – там гладят души идеальное чванство».

«Внутри ты метко отпустил тузы и рай от пригоршни надзорных – от себя, чтоб только сном улаживать контакт свободы в современности ежа».

«Прости, но близкий тонет мне курьёз внутри твоих притёртых, смелых глаз, как будто подобрел умом артист и стал сегодня меткой – в форме фраз».

«За ночные кобылы из правильных чар ты уводишь скабрёзности душу, чтобы стало мне одной современностью – легче дышать и простить утомлённое общество здесь».

«Русский стиль, где каждый сам и прав и коварен в мысли этой строго – ты напишешь в ряд фантазий глаз, чтобы обернуться как во сне».

«Мне кровать помогает читать по ночам, где уже нерадиво ты спишь – между звёзд и качаются формы искусства тогда, как кроватные тени из маленьких глаз».

«Пусть в душе ты меня отпустил и согрел эту форму ничейности выше – паря, как услужливый ангел напротив стропил, что объёмной картиной – поймут там меня».

«Серой покрывкой из совести лет ищет артист утомлённый предел – общества хилого, чтоб подрасти в неге подземной и дальше идти».

«На недолгом пути вечерело и ночь приподняла свой дивный укор,

чтоб помочь мне вернуться в расщелину права к уму, что сегодня я мысль всё понять не могу».

«Над нервозностью будущей сказки ты жил, над своей обалдевшей культурой кроил – час земной, чтобы выше к глазам повторить слепок мужества там, и сегодня – любить».

«Серой впадиной мелкого ада горит твой костёр и не тонут в глазах надоевшие козни из друга, что почти оробел и находчивой позой о сон – повторил свой мотив говорящего образа судеб».

«Красно-синий маяк из просиженных мест мне негласно укроет свою череду – обращённого мира, откуда приду над ночной тишиной – у поэта».

«Долго видит подлинник свою жадности плохую середину, но вопросом задаёт и рок, в том не очертив людскую тьму».

«Липкие пальцы корят мне в душе памятник мира к реальности ждать – словом свободу, как редкий алмаз – точно он вылит сейчас».

«На газетном апломбе прошёл твой черёд и стоит на униженной форме руин – только памятник боли и что-то поёт в этой ночи прямого вопроса над миром».

«Честные формы глаза для тебя – точно плохие приметы и гладишь – ты однозначный момент, будто сам – с этой пародией в душу не ладишь».

«Образ себе неземной посвятил, стал ирреальностью ниже ужа, чтобы от древности слышать приказ – в чреве, которого нет у тебя».

«Снова чрезмерностью тушишь свой ад, чтобы лететь непомерно назад, душу внутри изглодал, чтобы суть – видеть из жизни прожитой во сне».

«Где над кирпичной основой ты – раб, вечных иллюзий бежать там от тьмы, вечно стремиться искать этот дух – точно ты стал акробатом во сне?»

«Полнолуние встретит твой яркий, проверенный страх, но ещё неуверенней станут тебе этим – сны, где из чёрной окалины будешь угадывать ад и прощать свой отживший секрет на плохое – внутри».

«Мне не клоуном стало к примете расти – это детство из мыслей на том берегу, где уже оказаться я там не могу, но бегу вслед по крыше и тайну ищу».

«Загорелые оползны в душу на теле – мне сегодня ползут, чтобы жить на двоих и искать этот сон в непомерной постели, закрывая готический сад и мотив».

«Эротический воздух под пыльной судьбой – зря наладил ты в душу внутри постоянства, зря стараешься ждать тот увечный притон, что не счастье идиллией смажет года».

«Постоянная разница в сексе из лет, что идейная бабочка в кладезь души – так пытается высказать ложный ответ, чтобы снова в глазах по судьбе согрешить».

«Нам под 40-к и стрелы амура не лгут, что когда за полтинник пробыёт тот восторг иллюзорное общество в цвете души – будет мыслью в ночи неудобно на ток».

«Бабье лето и происки в муку на явь – неподдельно искали от ночи шага, а нашли постоянные в небе враги и в сердцах под судьбой – обомлели».

«Городской сувенир мне нещадно молчит, он судьбой забегает за время и там, словно ночью корит идеальностью лет, где и думать мне боязно в смыслах о рану».

«Пространство между Зевсом и судьбой, рассчитанное в небе слов и смысла, что сделала тебе там Артемида, чтоб думать больше призрака – потом?»

«Загоняя признание, словно под кожу – мне не легче гласить этот рок для любви, чтоб создать удивление, где пережил ты коварные тени и время в могиле».

«Спи сундук на ходу мертвеца под душой, спи и верь, что тогда я забуду твой мир – как в судьбе пережитком бы снова хранил он в душе благородство и думал о прошлом».

«Мне не жизни не жалко, не гиблой души, мне вопросов так мало, чтоб точно спешить и поднять уяснение в небе от звёзд, где и ночи такие строптивые в жилах».

«Московский двор и время между лет – нещадно будоражат тень из слов, по сну которой стала старость жать противный круг иллюзий - на двоих».

«Политичностью время несёт этот мир и строителю хочется вылепить день, на когда-то затерянной нити по сну – идеального общества, где и сегодня усну».

«Не расстройством души стала память терять эту нежность из глаз и ещё говорить, что мужчина ты вроде умом неплохой, но крадёшься из времени – точно в кровать».

«Падаешь к совести милых строений, тянешь излюбленный рок поколений и перед эго стоит твой зеркальный – мир атрибутики в розе фатальной».

«Над Питером мне пронесла серьёзность мука и тёмный дождь не вызнал больше звука, чтоб время там хранить на бытие – того кто был любимее тебе».

«Повседневности ночь – не плохая актриса, но укроет тот фарс многомерного риска – злой порок между гладью блестящей воды, будто сам ты стоишь над прохладой Невы».

«Образ зла боевой, как оставленный путь Королей, что не вышли сегодня на бой, Королей, что укрылись над пищей Богов и несносно хотят продолжать – эту ночь».

«На своей макушке спит и воеет память идеалов – будто ворон, но к тоске присутствия не скроет форму фамильярности от пуль».

«Древний досуг граничит с оставленной тенью, по которой прижилось то качество чувства, словно час и года между истиной верить, что внутри ты такой же – как все».

«Инертный вдох над палубой минуты и ты – моряк у недр плохой судьбы, у той, в которой будто бы ты стал – доселе человеческой игрушкой, между скал».

«Ты не понял, а просто нашёл свой уют и практичную ночь, закрывая ей тощий обелиск между каждым искусством вести – свой отзывчивый день, потому и тупой».

«Зыбкие пески на лоне благородства – как порхают тени в ночь с минуты, съеденной от пригоршни вина, где блестят глаза в

преградах слов».

«Мышцы свои напрягая и хныча робкому обществу – между судьбой, ты напрягаешь и собственный смысл, чтобы бежать за собой».

«Немецкий штиль над жадной волей смысла – сегодня утоляет праздник разный, но будет ли отныне он прекрасный, что юмор повседневности – на мысли?»

«Время отложенной гордости Рима, что же упало под ревностью мимо – в сон над твоей головой непокорной, чтобы бежать там в наивности дел?»

«Писатель между сонных аллегорий, что взял ты этим полем на свободу, чтоб жизни дать иллюзии к судьбе – одной надежды думать о себе?»

«Разница в форме глазниц так тонка, что будто череп струится рука в толще судьбы из забытого чувства, мне прививая для жизни - искусство».

«Не уснуть мне сегодня, не жалко свободу, по которой бежать так противно внутри, а конечный маршрут мне проложен о сон - самоназванной бездны и дум позади».

«Чтобы чёрный рассвет понимал меня ночью – я налью себе в час по стакану вина и войду в постоянное время, что прочему льёт свой жизни укор, приставляя к виску приговор».

«Мелом тешит мой возраст плохую примету и садится комар укусить там назло – равновесие подлинной чести из этого утомления в жизни, где повезло».

«Чёрствый дух мне манит чашку чая, заперев там бдительности глаз, чтобы ночью сам мне отвечал он и направил точностью – приказ».

«Жёлтолиственной в небе прохладой руин мне над осенью видно плохую погоду, где гадаешь ты часто и может один – сам не веришь по призраку мира в любовь».

«Прямое слово в судорожной рамке несу сегодня для обломков рая, где близится ещё руки кривая, чтоб тонко обнажить – скупой восход».

«Серой массой людей мне немножко смешно, что корит благородный, отзывчивый дух – мне своё современное там полотно и капризами душу пьянит, где болит».

«Для питерской интеллигенции – тюрьма, что овод в просторечии из цирка, когда ему кладёшь кусочек льда и нежно сном попросишь - отравить».

«Медной нитью не спала твоя высота, но на скалах опять ты взбираешься вверх, чтобы думать на обществе, что умерла бы одна постоянная взглядов – смотреть».

«Кричи и сном распни скупую льдину, что гложет современности струя о день седой, где видит там меня и лжёт себе о форме – негатива».

«Мне омет бы на завтрак и плотную мину без посредственной ёмкости взглядов и глаз, чтобы утро казалось мне видимым миру и искало бы светом иллюзии – в нас».

«Почему надоело мне думать внутри, почему облетели те листья о спину и крадётся обыденный воздух, клеймя всё твоё постоянное тело – о мир?»

«Для нарцисса ты жил одинаково скромно, но подняв свой

обыденный голос на мир – превратился ты в ночь, от которой свобода стала редкой фатальностью здесь отвечать».

«Предводительством мелкого ужаса в скорби стает время о подлинный центр бытия, между каждым укором, где движется мода и спадают за редким алмазом – края».

«Не для тебя там ночь свивает роли о забвение, не для твоей системы рока ждут года, чтоб жизни выстроить то миром изумление и вылепить всю точность – бытия».

«Над парадной заснул твой отзывчивый кот и крадётся отнять колбасу между черт идеалов присутствия в жизни угод, чтобы время тащить в этом образе лет».

«Где нет места странствовать причалу в летней перемычке глаз твоих – там в душе за сном не отвечает дух последний, замирая в стих».

«За картонной коробкой нет места цене и твоей аллегории вычленишь рай – из надменного чрева фатальности мне, чтобы утром на сон выпить чай».

«Время лечит твои теоремы из глаз, покрывая финальное поле причин, но одну ты причину не скроешь сейчас – это смерть в обстоятельстве формы меча».

«Бледной формой нам оторопь выше ресниц, где желаешь ты взять свой обыденный спор, чтобы душу на сон укорить и молчать, как внутри этим рок и плохой унисон».

«Совет в соседской призме бытия был трогателен, бодр и очень весел, но был и весел этим миром – я, что душу пережил судьбе под хворь».

«За друзьями нет места хранить этот мир, но предательски кроет мне ночь по руке – злом оторванный номер стропливой строки, где хочу я украсить тот мир и уладить тиски».

«Мне не дружбой быть нынче уверенной маской слепого ужа, но корячиться в плене иллюзий и жить под раскос – планомерной культуры расспросов над жизнью, едва я не умер в руках этой лживой пародии – вновь».

«Словно лев ты крадёшься и хочешь опять укусить, но притронувшись гладишь иллюзии поздней рукой, мне наощупь спадая под мнительной форой о жизнь, чтобы видеть ту сном белизну – от чего я страдаю».

«А помнишь мы были, как ветром осенним – друзьями и снова кружили, чтоб видеть свои оголтелые крылья на крыше, что ветер сдувает и гордостью – слышит?»

«Не малыш ты уже, но не спишь на боку, притворяясь и нежно на сон теребя – суть иллюзий о прошлом, где видели мы тот утерянный остров из бездны иллюзий».

«Плёночный кадр из размера о дружбу время не ищет, но ходит ночами, где за игрой мы в тоске отмечаем – подлинник мира и снова молчим».

«За этой беседой ты стал, как и я корить сном пути постоянной приметы, то видеть дозорное в теле любви, то ждать обязательство мудрости – где-то».

«Не заяц над чертой, не воин в поле словом в час, что вторит век

скупой, где мы одни не осерчали, а тонко смерть прошли и знать внутри свою примету – мы телом не хотим, но свету – ту жизнь приобрести».

«За воздушной досадой и мир пережил перемену на лицах, судьбу испытал, чтобы жизни в судьбе обещать много прав и играючи верить в подземное эго».

«Мне московский подвал был оковами в ветре, где снуют музыкальные формы о мир и оставят свой звук на ночном постаменте – идеального зодчего в рисках разлук».

«Славно Москва не нашла этим рай, тонко в лице ухмыльнувшись и рея вдоль по потерянной ловкости рук, чтобы язвить интересное время».

«Цифровые утопии в дар не хочу, но опять пролечу между множеством цирка – этой бдительной гостью, откуда бы стиль – стал мне русской приметой на будущем сам».

«Гордый друг не такой, как один из поэтов, точно тронет вместительный ад на краю и растопчет фамильный ответ мне – на сердце, где и гостью я в жизни тогда – постою».

«Разный путь или время непройденной ночи – говорят этим злом между хитростью нам, где людское чутьё мне не броситься хочет, а забыть эту маску упрёков свою».

«Этой дружбой по жизни идти не хочу я, но молчу по периметру в важной цепи, что опять обладая судьбой – прочерчу я, свой ответ этой наглости в полный покой».

«Ты не следишь, а просто привираешь, где ночь – твоя наследница в раю о тонкий склеп фамильного уголья, что ночью ненадолго постою».

«Прежний пафос свободы я выстрою в ночь, где любви образуешь ты качество мира, но уже не ищу свой претензии ключ, просто вижу о сонное царство – приют».

«На людской монографии стала опять исчезать за последней иллюзией или – быть в среде обязательства знать этим суть, чтобы сами мы старились в обществе мыслями».

«За жирафом прошёл свой ответ дурака – этот милый апломб из прижизненной платы, но в трудах он застрял, будто шей в руне, чтобы видеть сегодня искусство – во мне».

«Жадностью сон поглощает мне слово внутренней чести и что-то кроит, вылепив сонный маяк на кого-то – этим похожий, как будто бы призрак».

«Особенные тени в гласном сне – особенностью вышли в статью из чрева, чтоб выиграть долю общества внутри и звать ещё обыденный прононс».

«Демагог между ночью и формой руки, взяв фонарь от приличия в квази пространстве – развивает над частью Вселенной тот ритм идеального тождества, чтобы лететь».

«Мелко может по русскому полю пройти – этот личный манер и надёжная плата, свой особенный вид идеалов, приняв – миром пользу, минуя внутри человека».

«Дерзкий – не значит фатальный во сне общества старой приметы о суть, дерзкий – не лжёт, но касается в топь формы обыденной, чтоб не уснуть».

«Балерина из падшей иллюзии в сне хочет быть покрасивее и мрачно намёке, балерина – исчерченной формой весны, что заядлая степень фантома из сущности».

«Под улицей прошла скупой разлукой моя мечта и что-то написала, что жизни образует этот стиль – обыденной коварности внутри».

«Серой розой движения между любви тешит юмор несчастье и бредит – под сон, что его ты в душе пережил, но крадёшь одиночество топкой иллюзии – в дрожь».

«На левой ноге не сегодня – ботинок, на правой ноге, что иллюзия рока – пытается вжаться из чувства бычины, где видит весь мир на коленях рутины».

«Сохраняет нежный аромат любви – сладкий лист искусства имбиря, но в себе испытывает мир – как по кромке личности пройдя».

«Лечит за пафосом верхний этаж – время твоё между сложной руиной, лечит и помнит, что стало во сне – всё подытоживать к жизни твоей».

«Жарко под пальмами в лужах бродить, вышел из тени пути твой невольник и за досадой под ночь этим нить – держит, чтоб завтра и солнце не помнить».

«Сексуальная игрушка в чётном сне – верит в это прошлое, чтоб мне стало время подлинным отныне стыть и представлять иллюзий имя».

«Где ты прячешь скабрёжности в каждом шкафу, где ответы твои непременно в кармане иллюзорного утра, что снова приду я к тебе – на итоге в любви?»

«Самообман на ладони сегодня сложу, я к тому совершенному дню, что не прочит мне иллюзии ночью, что там же пройду я по тёмной своей мостовой – в червоточине».

«Любил или знал мне идейную маску, ложась в этой ночи под шум гениальный, но город уснувший там прятал свой фатум о здравое общество, где-то фатальное».

«Просьба угостить мне чашкой кофе эту страсть и юность – между сердцем, чтобы ждать единственный расчёт в том ли привидении – о счёт».

«Будешь в душу горевать и плакать, что не вывел стройный пафос мира – о свою судьбу, когда ты звал ночь в тоске иллюзий поутру».

«Собака не лает и в теле не носит свой шерсти комок – от того и не просит взять утренний казус ценой благородства, чтоб жизни придать иллюзорное сходство».

«Будущий час от ушастой приметы воев в тоскливости ужина, где-то в форме своей объяснив незаметно, что от фатальности – стал он портретом».

«Жизни займи и приди в этот казус зверской обиды, где каждому кажется – будто актёр мне в нелёгкой примете стал удивлением сном на поэте».

«Жизни лист мне не слушался долгой подсказки, но и ручку в себе объясняю, как факт оправдания подлинной мысли поэта, что держу в постоянстве – опять до утра».

«Желтизной по пути фотографии старит мне блокнот от серьёзности – счастье из сердца, но другой повседневностью музыки станет – эта

бледная форма природы портрета».

«Образумившись сложной капризностью лжи – ты не ждёшь уже мысль на конце у ножа, что воткнулся и гложет твои переливы откровения счастья, чтоб что-то сказать».

«Не сам ты укусил свой мир без слов, но злой вампир там укусил прохладу, чтоб ветром по подземной тишине – ты думал этой ночью обо мне».

«Злой опричник не строит свой храм на плоту иллюзорности сердца о правду – не ту, что построил другой идеал по руке, где сомнением стелешь ты ночь на воде».

«Препоясал маститый сомнением шут и бренчит он от сказанной маски – лица, чтобы видеть на том обращении путь, что пройдем до конца».

«Камень о камень не точит примета утром за плотной завесой игры, но от безумия ночи согрета в пламени – рамка серьёзности детства, чтобы искать за преградой черты».

«Антисоветчик в призванном раю – ты вышел мне из подлинной кометы, чтоб снова постигать ту ночь во тьме, как я притронусь к праву по объедкам и буду жить на этом берегу».

«Над возможностью трупы ты рад был себе, но внутри засыпал и похрюкивал к скорби, что ещё ненагляднее слышишь к тому - объявление собственной слабости в холке».

«Раз за разом по идейной маске ты прочёл свой путь другого мира, но исчезнув выменял тот стиль, давший свет из сумерек в аду».

«Меховые расщелины в призраках рока, что мне делать с судьбой образованной в жизни, где таишь ты строптивное поле порока и не можешь упрятать свой мир – неживой?»

«Московские слуги из жизни нетленной – вы снова мне смотрите в дар от Вселенной, где части по солнцу вести я должна и знать расписание в капельках лжи».

«Ратуй за английский юмор в службе тонкой формы мнений, где отжил ты и теперь в глазах бежит тот ужас, словно рабский ужин - без отличий».

«Развлечение в призраках моды гласит, что спокойна Россия и в поле сомнений стала новой претензией к нам заносить – ускоритель от чувства в судьбе неземной».

«Где не сняли мы позу в душе благородной – там идёт потому в кабаках перспектива, чтобы снова напиться и вылепить множество идеалов отточенной формы бессилия».

«Мне на поле жуки распинаят прохладу, чтобы в жизни вести утончённый опричник и глотать эту смерть, где уже и не надо жить от формы идейной, а в ней засыпать».

«Возле сущности формы Вселенной человека не видно от плена распутившейся в мифах – причуды, что опять мы уснули под древностью утра».

«Если судьба на тебе пропадает – значит о чём-то по вере страдает твой идеал, что не носит причину – формы в душе, а играет на призраке».

«Ментальный кот советует простить его глаза за древностью -

невинной, а ты попросишь небо в облаках, забыв об этом ночью на душе».

«Мне над русской расщелиной в смерти полна субъективная чаша взросления мира, так судьбой неприглядна и строга она, что крадёт обязательство жить для других».

«Телом спишь, а ночью понимаешь, что в вопросах мысли – не обида, стала вновь тебе душой начальника в памяти играть – потом невинно».

«Пропади ты у новой чернильницы глаз, что покроеет твой ритм иллюзорности в раз – новой моде и будет играть в кабаре, чтобы лучше по ночи искать – этим нас».

«За твоё здоровье может выпил, за любовь земную в память криво, но дожил до смерти и не видел, что коришь ты ужасы – могилы».

«Обязательство в сон человеку кладёшь и не знаешь, что будет потом, обязательство в мифах на том проведёшь, но отчасти в скупой, постоянной там ночи».

«Дремлет бегемот на нашей чаше слова всеобъемлющего к людям и не мерит подлинное счастье, но докажет истину – в душе».

«За что ты хоронишь от нас эту жизнь, за что притворяешься в том циркачом, чтоб время в душе потянуть и отжить – не будучи в мире на этом причём?»

«Единорог забрал бы вопль из мира и спрятал форму множества – убого, где сам тому не может объяснить он – за что он стал посланником от Бога?»

«Перед частью в душе непростительной лжи – ты заснёшь и не вверишь свой радости день, но укрывшись от времени в подлинном сне – ты доводишь мой мир до иллюзии встреченной».

«Чёрный короб внутренней бравады знал бы этот день, когда упорно буду жить до завтра – безвозвратно и тащить свой день – до приговора».

«Чайник в тучу свою превратив на ладони – ты не выпьешь там кофе, а мелко уронишь смыслы жадного утра, откуда настало там в тебе – разобщение ночи от смысла».

«Маленький зверёк на этаже ветхой формы мира благородства – ты в глазах исчез, чтоб жить уже на другой фатальности и громко – видеть время, пройденное мне».

«Ненаглядно ты смотришь в окно на других, но скопилась за масками плотная тень и огромное чрево глотает твой стих, чтобы стал ты известным от принципов – слов».

«В день своей угрюмости мне стало – долгим слоем в смерти одеяло слов твоё строение будить, но и засыпая там водить – шарм от обстоятельства в уме».

«Забирая по счастью ту форму в руках ты опять, как актёр и наивностью стыд – непривычно к сердцам всё в душе продаёт, чтобы выжить на этом аду и пропеть».

«Расставаясь с душой по-английски ты ждёшь, что она здесь расстанется с формой руин, но уходит за масками этот апломб и опять ты сегодня для мира – один».

«Зря рассорился с другом на тайной игре между личностью прошлой

и новой стеной, а теперь, как на скуке стоишь неземной, засыпая на прошлом от длинной разлуки».

«Долго длятся твои непомерные дни, нам почуяв свой странный укор на двоих, что не можем сегодня мы жить без проблем, а внутри отзывается формой – от них».

«Близорукий и дерзкий под верной игрой – мне сегодня не нужен твой мир от преград, ведь иду я за скоростью света понять, что и завтра не буду там спать».

«Бессонный день и ночь внутри бессонная – мне ищет мрак потуги неземной, где норму объявляет тело вдумчиво, как сон внутри нервозности иной».

«Без объявления победы не прожить, и сном не перейти притворный казус, без опрометчивой от жалости игры – не нужен жар маститый на двоих».

«Вечером сон, как под шляпу упорно ты полагаешь и вымеряв полы шляпой заденешь ту форму каприза, чтобы держать это время – как призрак».

«Мне прошёл обожаемый день на двоих, а твои доказательства стали плохи, что у тени над ночью луна не горит и любовью не греет, а только корит».

«Брачный фарс, словно лужа позорного веса – мне серьёзностью жадно глотает пути, где уже не увидим мы ноту прогресса и не сможем за эту фатальность – зайти».

«В просторечии – миром чудак, где несложно жить от маски в душе рыбака мне о том, спелом весе, куда проложил своё сходство – ты сегодня и светом не веришь уже».

«Новый свет, что играючи маска за блажью – распинается в древнем чутье о любовь, но укроет и снова заснёт там мораль, как придворный на странном окне – бытия».

«Старый свет, как вампир причитает и воет, что уже недоволен на мир посмотреть – он глазами актёра, но тонко уводит дух фатальности в смерти и этим не спросит, что остался на свете – один».

«Бурый счёт от безумия в мании мира, как по кальке в душе миллиарды несёт, но в пути разбирает там игры – вампира, это счастье от времени тайной – о гнёт».

«Интеллигент на вампирическом плато всё думает прожить любовь не ту, а ту, внутри которой бы его фантом души – завидел совершенство».

«Запрягу я двоих лошадей под кнутом и от фобии мира тот цвет разложу в необычности слов, от которых бы им стал сегодня вампир – идеалом в аду».

«Сколько денег хочет богатей, сколько жил украл сегодня в манну - этой лжи придворной, чтобы ей стало тихо на душе твоей?»

«Мельчает твой дух посторонней приметы и воет от ветра сюжет для души, что долгой судьбой пережил ты поэта, но счастлив ты не был – на утренней лжи».

«Твой завтрак пуст и в мнении тревожен, твой день на грусти прямо расположен, как если бы ты начал сном войну и сам не знал, где в обществе её конец».

«Гротескной моралью за твёрдой манерой испытывать гордость ты

можешь – на свет, но ночью из близкого ветра клеймишь – то чувство серьезности, будто бы спишь и мир тот не видишь – от сердца».

«Затемнил свой фантом на английском роду и нечаянной розой сам упал на овраг, что тебе нелегко выбирать этим раб – от желания видеть себя – на аду».

«Молодой и поклонник в душе новостей, ты не ищешь от СМИ злой приметы у мира, но пытаешься ночью простить свой манер – за иллюзию формы убийственной этой».

«Понимаешь в ночь откормленный покой, где енот бы вышел сам на волю, но несёшь ту душу о приборой, чтобы спать от счастья – на роду».

«В том пути был почёт над дилеммой, где ответ мне оставил ты - роком по пути из Америки волком, чтобы сам я прошёл и принял идеал – незнакомого общества, словно оскал – будет верным помощником мне».

«Обладание верой в искусство томит шаг земной и спадает надменно, где-то в обществе риска, а где-то в тюрьме, где есть место принять объяснение риска».

«Засыпаешь в снах любви и мира, горькой формой над бровями режет склад твоей фантазии быть эхом – злой пути реальности поэта».

«Вихрь за мечтой ты обнял на свободу, чтобы отжившему обществу вспомнить – каждое дерево в топкой трясине, где одиночество реет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.